755-252

Александръ Карашевъ.

241
691.

ОТНОШЕНІЕ ХРИСТІАНЪ

ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВѢКОВЪ
(до Константина В.)

КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

БИБЛІОТЕКА
РЯЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

3864

РЯЗАНЬ
Типографія Братства св. Василія.
1914

10/49487

В

255/252

Александръ Карашевъ.

241/691.
486/8

ОТНОШЕНІЕ ХРИСТІАНЪ

ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВѢКОВЪ (ДО КОНСТАНТИНА В.)

КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

№ 51592.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

РЯЗАНЬ
Типографія Братства св. Василія.
1914.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 22823 1965
М

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Подъ названнымъ заглавіемъ данная брошюра издается вторично. Въ первый разъ она появилась въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ журнальной статьи, печатавшейся въ 1906 году въ Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Напечатанное въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ первое изданіе скоро все разошлось. Между тѣмъ спросъ на книжку, въ которой рѣшаются вопросы, часто поднимаемые и въ наши дни, продолжается. Поэтому брошюра, перепечатанная къ 1600-лѣтію Миланскаго эдикта въ „Вѣстникѣ Военнаго и Морскаго Духовенства" (1913 г., №№ 17—23), теперь переиздается.

Въ печати первое изданіе книжки было отмѣчено одобрительными отзывами. Такъ, въ библіографической замѣткѣ журнала „ Вѣра и Церковь" (за 1907 г., кн. 2, стр. 271) было сказано: „Несмотря на свой сравнительно небольшой объемъ книжка эта заслуживаетъ глубокаго общественнаго вниманія и широкаго распространенія, какъ по затронутому ею вопросу, такъ и по рѣшенію его.

Дѣло въ томъ, что поставленный ею для рѣшенія вопросъ о томъ, дозволительна ли для христіанъ война и военная служба, у насъ не только многими сектантами, но и принадлежащими къ православной Церкви послѣдователями гр. Л. Толстого рѣшался и рѣшается отрицательно...

Авторъ названной книжки поставилъ своей задачей: „установивши кратко отношеніе христіанской религіи къ военной службѣ и войнѣ по существу, принципіально,—прослѣдить затѣмъ подробно, какъ представители первоначальнаго христіанства, древніе христіане относились къ военной службѣ въ доконстантиновскую эпоху, когда вѣра и жизнь у послѣдователей Христа были нераздѣльны, когда христіанская религія

была у послѣдователей ея самой жизнію и дѣломъ, когда истинной христіанскихъ воззрѣній и убѣжденій не жертвовали рада матеріальныхъ интересовъ, когда Церковь и государство жили совершенно отдѣльно другъ отъ друга". Все это ясно говоритъ за то, что авторъ, намѣтивъ себѣ такую задачу, сталъ на вполнѣ правильный, строго-научный и безспорно для всѣхъ убѣдительный путь въ рѣшеніи даннаго вопроса. Особенную же цѣнность его небольшому, но содержательному труду придаетъ самый способъ веденія имъ дѣла; ибо онъ предлагаетъ намъ не сырой историческій матеріалъ въ видѣ однѣхъ лишь выписокъ изъ сочиненій христіанскихъ писателей взятаго имъ времени, выражающихъ ихъ воззрѣнія и сообщающихъ фактическія данныя, а вполнѣ обработанное—строго проанализированное и объясненное обслѣдованіе этого матеріала, такъ что предлагаемыя имъ заключительныя положенія являются лишь логически необходимыми выводами изъ этого обслѣдованія. Стоя такимъ образомъ въ рѣшеніи названнаго вопроса на строго научной почвѣ и постоянно оправдывая свою компетентность въ этой области самой строгой и точной цитаціей документальныхъ обоснованій своихъ положеній, авторъ излагаетъ свои мысли съ такою ясностію и раздѣльностію, что книжка его читается легко и съ возрастающимъ интересомъ—и потому вполнѣ справедливо можетъ быть названа общедоступною"...

Въ еженедѣльномъ органѣ „Прибавленія къ Церковнымъ Вѣдомостяхъ, издаваемымъ при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ" (за 1907 г. № 24, 1205—1206 стр.) ординарный профессоръ С.П. Духовной Академіи А. А. Бронзовъ въ отдѣлѣ „Библіографія", передавши кратко содержаніе названной книжки. въ заключеніе говоритъ: „Брошюра написана серьезно и съ знаніемъ дѣла".

Въ виду таковыхъ отзывовъ книжка переиздается безъ существенныхъ измѣненій.

Авторъ.

15 апрѣля 1914 года.

БИБЛІОТЕКА
ПОВСКОЙ ДУХ
АКАДЕМІИ

БИБЛІОТЕКА
ВОЛОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ именемъ войны у людей во всѣ времена связывалось представленіе о невыразимыхъ ужасахъ, о страшныкъ бѣдствіяхъ. Поэтому еще въ глубочайшей древности, даже у дикихъ народовъ, простой разсчетъ сбереженія силъ личныхъ, семейныхъ, племенныхъ и государственныхъ долженъ былъ подъ часъ заставлять людей такъ же страстно желать мира, какъ въ другое время сознаніе своего интереса, нерѣдко крайне эгоистическаго, хищническаго побуждало ихъ къ войнѣ. Отсюда, смотря по обстоятельствамъ, гимны войнѣ смѣнялись гимнами миру. Вотъ почему еще въ до—христіанскую эпоху въ противовѣсъ воинственному задору отдѣльныхъ правителей и государствъ можно указать защитниковъ идеи всеобщаго мира, противниковъ войны среди мудрецовъ, поэтовъ, философовъ и юристовъ античнаго мира [1]). Христіанское ученіе своимъ распространеніемъ должно было, повидимому, прекратить это взаимное истребленіе народовъ и подарить міру вѣчный миръ. Новая религія, учившая о единомъ Богѣ для всѣхъ людей, требовавшая отъ своихъ послѣдователей взаимной любви, даже ко врагамъ, воспрещавшая отплату за перенесенную несправедливость, не допускала, повидимому, даже участія христіанъ къ военной службѣ. Въ дѣйствительности же войны съ распространеніемъ христіанства на землѣ не прекратились; многіе христіане были на военной службѣ еще и въ римскихъ войскахъ. Это кажущееся несоотвѣтствіе дѣйствительности ожиданіямъ породило вопросъ, о томъ, какъ примирить войну и военную службу съ христіанскимъ ученіемъ, дозволительна ли

---

[1]) Баронъ М. А. Таубе. Христіанство и международный миръ. Москва. 1905 г. 12—20 стр.

для христіанъ военная служба? Идейность религіи еще въ древнѣйшія времена (съ конца второго вѣка) выдвинула отдѣльныхъ мыслителей, отрицавшихъ (теоретически) дозволительность для христіанъ войны и военной службы. Въ наши дни таковыми являются американцы—Гаррисонъ и Даймондъ—и послѣдователь послѣдняго извѣстный русскій писатель Л. Толстой. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно упомянуть о цѣлыхъ обществахъ сектантовъ, отрицавшихъ войну фактически, отказывающихся отъ военной службы; таковы секты протестантскаго характера: вальденсы, альбигойцы, квакеры, меннониты и такъ далѣе включительно до русскихъ духоборовъ, послѣдователей Толстого. Въ противовѣсъ токому направленію явился цѣлый рядъ писателей, доказывающихъ дозволительность, а иногда и необходимость войны для христіанскаго государства и христіанина, какъ члена этого государства. Литература по этому вопросу довольно обширна.

Мы не ставимъ себѣ цѣлію въ данномъ трактатѣ сводить къ единству взгляды всѣхъ писателей на войну и военную службу съ христіанской точки зрѣнія или подвергать ихъ разбору. Задачу свою намѣчаемъ такъ. Установивши кратко отношеніе христіанской религіи къ военной службѣ и войнѣ по существу, принципіально, прослѣдить, затѣмъ, подробно, какъ представители первоначальнаго христіанства, древніе христіане, относились къ военной соужбѣ въ до-константиновскую эпоху, когда вѣра и жизнь у послѣдователей Христа были нераздѣльны, когда христіанская религія была у послѣдоветолей ея самой жизнію и дѣломъ, когда истиной религіозныхъ воззрѣній и убѣжденій не жертворали ради матеріальныхъ разсчетовъ, когда церковь и государство жили совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Отмѣчая воззрѣнія руководителей христіанской жизни въ первые три вѣка, мы намѣрены подробно прослѣдить фактическое отношеніе древнихъ христіанъ къ военной службѣ съ указаніемъ мучениковъ-воиновъ и разсмотрѣніемъ мотивовъ мученичества.

ГЛАВА I.

Христіанство есть духовный идеалъ, идеалъ духовной вѣчной жизни. Требованія этого религіознаго идеала безусловны, неограничены; таковы напр.: всѣхъ люби, все отдай, люби до смерти, прощай обиды до седмижды семидесяти разъ, не клянись, не противься злому; будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ Вашъ небесный и т. д. Изъ безусловнаго характера евангельскихъ требованій тотъ выводъ, что полнота ихъ исполненія дается не внѣшнимъ дѣйствіемъ, а духомъ его, энергіей. Царство Божіе внутри человѣка и приходитъ незамѣтнымъ образомъ; отсюда христіанская религія есть религія чисто духовная; христіанство есть дѣло личности. Христіанство имѣетъ цѣлію измѣнить внутренняго человѣка. И это самое главное. Все же внѣшнее само по себѣ цѣны не имѣетъ: государство, власть, богатство и пр. Будучи же царствомъ не отъ міра сего, христіанство прямо, непосредственно не рѣшаетъ вопросовъ государственныхъ, не отвѣчаетъ прямо на вопросы изъ области политики, права, экономіи и пр. Но это отрѣшеніе христіанскаго ученія отъ мірской жизни нельзя понимать въ объемѣ и въ смыслѣ полнаго и совершеннаго отрицанія христіанствомъ мірской, земной жизни, въ смыслѣ недозволительности оцѣнивать и опредѣлять христіанину свое отношеніе къ явленіямъ и событіямъ внѣшней государственной жизни по началамъ христіанскаго ученія. На всемъ протяженіи историческаго существованія христіане не переставали вѣрить, держались убѣжденія, что христіанство дано не только для будущей жизни, но и для здѣшней, земной (*имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей.* I Тим. IV, 8), что царство Божіе, какъ умноженіе добра и правды, прежде всего должно быть упрочиваемо здѣсь, на землѣ. Начало осуществленія царства Божія, сущность котораго сводится къ осуществленію воли Божіей во всей широтѣ не только ангелами на небѣ, но и людьми на землѣ, пріурочи-

вается къ настоящему вѣку, къ этой нашей землѣ; къ будущему же вѣку относится полное его осуществленіе. Царство Божіе по этому должно осушествляться и здѣсь на землѣ, и не только въ дѣлахъ и поступкахъ отдѣльныхъ лицъ, но и въ обнаруженіяхъ жизни общественной, государственной. Каждый христіанинъ, будучи членомъ церкви, въ тоже время есть и внѣшній человѣкъ, подданный, гражданинъ, семьянинъ, обязанный заботиться не только о себѣ, но и о другихъ. Посему и внѣшняя государственная и обшественная жизнь можетъ и должна подлежать оцѣнкѣ съ христіанской точки зрѣнія.

Отсюда выводъ будетъ такой. Христіанство явленій и формъ внѣшней жизни безусловно не отрицаетъ и не можетъ отрицать. Оно не отрицаетъ самаго государства, опирающагося въ своемъ основаніи на внѣшнюю принудительную силу, какъ для охраненія мира со внѣ, такъ отчасти и для сохраненія порядка внутри. Не отрицаетъ также прямо, непосредственнно христіанство рабства и другихъ видовъ жизни соціальной, экономической. Христіанскіе учители никогда не выступали съ прямымъ ученіемъ противъ величайшаго зла въ соціальной жизни древняго міра-рабства. Проповѣдь противъ рабства была бы призывомъ къ открытой революціи. Тоже нужно сказать и о войнѣ и о военной службѣ. Христіанство не можетъ безусловно отрицать и войны, которая входитъ въ сферу внѣшнихъ отношеній человѣка и есть одна изъ основныхъ формъ внѣшней жизни. Въ силу этого позволительно будетъ трактовать о войнѣ и военной службѣ съ христіанской точки зрѣнія.

Война, какъ явленіе обычное, какъ одна изъ основныхъ формъ внѣшней жизни, съ глубочайшей древности у многихъ народовъ имѣла себѣ опору въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. У нѣкоторыхъ язычниковъ война считалась священнымъ дѣломъ, славой человѣчества. Войны, по Гомеру, составляютъ главное занятіе боговъ. Изъ среды боговъ спеціально выдѣлялись боги войны—Марсъ у римлянъ, Одинъ у германцевъ. Въ

греко-римскомъ мірѣ воинская доблесть признавалсь мѣркой человѣческаго достоинства, человѣческой добродѣтели; самую добродѣтель отсюда называли храбростію или мужествомъ (virtus).

Въ Ветхомъ Завѣтѣ еврейскій избранный народъ велъ частыя войны съ сосѣдними народами. По закону Моисея каждый израильтянинъ, исключая левитовъ, долженъ былъ носить оружіе (Числ. I, 3, 49, 50; II, 33; XXVI, 2), а современъ царей у евреевъ было постоянное войско (I Царст. XIII, 2; XIV. 52; XXIV, 3), Самимъ Богомъ иногда давалось евреямъ повелѣніе истреблять нѣкоторые народы, напр. амаликитянъ. Очевидно это дѣлало войны необходимыми и справедливыми. Значитъ. о запрещеніи войны и военной службы въ ветхозавѣтномъ откровенномъ ученіи не можетъ быть и рѣчи [1]).

Что же христіанская новозавѣтная религія? проповѣдывала ли она право и обязанность войны въ лицѣ своего Основателя? Новозавѣтная религія ничего воинственнаго не проповѣдывала. Своимъ послѣдователямъ она внушала терпѣніе, смиреніе, услужливость, отреченіе отъ собственнаго права, перенесеніе обиды. Само Евангеліе исключаетъ всякую силу, ничего воинственнаго само въ себѣ, по существу, не имѣетъ, проповѣдуетъ всѣмъ людямъ миръ и называется Евангеліемъ мира. Повелѣніе Спасителя ап. Петру вложить мечъ свой въ ножны въ этомъ отношеніи весьма характерно [2]). Оно ясно показыва-

---

[1]) Прим. Извѣстно, что еретикъ половины второго столѣтія сирійскій гностикъ Маркіонъ отвергалъ весь Ветхій Завѣтъ и училъ, что Богъ В. Завѣта не могъ быть отцемъ Іисуса Христа, потомучто израильскій Богъ воинственный и, какъ таковой, непримиримо противорѣчитъ Іисусу Христу, Богу милостивому, сострадательному, принесшему въ Евангеліи миръ людямъ. См. Harnak. Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. Tübingen, 1905 г., 25 стр.

[2]) *Возврати мечь твой въ ножны твои, ибо взявшіе мечь мечемъ погибнутъ* (Мт. XXVI, 52). Прежде всего данныя слова, сказанныя Спасителемъ ап. Петру, обозначаютъ грозное предостереженіе всякому, поднимающему мечъ на другаго. Мечъ познается чрезъ мечъ. Таковъ

етъ, что основаніе новозавѣтнаго царства на землѣ по волѣ Отца будетъ выполнено не земными средствами физической силы, не легіонами воинственныхъ ангеловъ (Іоан. XVШ, 36). [1])

Съ другой стороны, запрещала ли новозавѣтная религія своимъ послѣдователямъ прямо и безусловно войну? Для распространенія и укрѣпленія новозавѣтнаго ученія, въ интересахъ новой вѣры, война была несомнѣнно осуждена приведеннымъ изреченіемъ Спасителя. Но осуждало ли христіанское ученіе

законъ возмездія даже по принципу Моисеева законодательства. Отмщеніе употребившему мечъ противъ другаго со стороны противника или защитниковъ его несомнѣнно, хотя можетъ быть такое отмщеніе и послѣдуетъ не тотчасъ, а чрезъ продолжительный промежутокъ времени. Въ отношеніи же къ данному случаю ап. Петръ, оказывая вооруженное сопротивленіе силѣ, стражѣ, явившейся взять (арестовать) Іисуса Христа, долженъ былъ ожидать сейчасъ-же себѣ возмездія и тоже мечемъ со стороны пострадавшаго и его сторонниковъ (что и слѣдовало бы ожидать, если бы Господь чуднымъ исцѣленіемъ уха, отсѣченнаго у раба архіерейскаго, не загладилъ поспѣшнаго поступка ап. Петра). При этомъ слуга архіерейскій здѣсь можетъ быть разсматриваемъ просто воиномъ, представителемъ силы римскаго легіона. Въ отношеніи къ послѣднему употребляя мечъ, какъ противодѣйствіе власти, ап. Петръ выступилъ, явился мятежникомъ, не подчинявшимся приказанію законныхъ властей, а потому и подлежалъ жестокому наказанію. Главное же то, что въ поступкѣ ап. Петра выразилось непониманіе *добровольнаго* искупительнаго дѣла Спасителя, непониманіе законовъ и духа того царства Божія, которое Спаситель созидалъ на землѣ. Ап. Петръ своимъ поступкомъ обнаружилъ стремленіе получить для Мессіи *силой* власть здѣсь на землѣ, упрочить господство, царство Мессіи въ этомъ земномъ мірѣ *внѣшними*, *принудительными* средствами. Поступкомъ такого характера ап. Петръ ставилъ и другихъ апостоловъ и самого Господа въ ложное положеніе, какъ бы домогался сдѣлать своего Христа Магометомъ. Посему Господь торжественно осуждаетъ поступокъ ап. Петра. См. A Commentary on the Holy Scriptures Lange, edited Philipp Schaff. Edinburg. 1872 г., на Матѳ. XXVI, 52.

[1]) „Не силою творится Божье дѣло". Розенгеймъ. Христіанство. Историческая хрестоматія изъ поэтическихъ произведеній. Казанцевъ. М. 1910 г. 174 стр.

безусловно и прямо войну, какъ одну изъ формъ внѣшней жизни, какъ условіе внѣшней, государственной жизни человѣка христіанина? Никакого безусловнаго и прямаго запрещенія употреблять христіанину мечъ въ этой земной жизни когда бы то ни было нигдѣ Спасителемъ не дано. Напротивъ, въ словахъ, сказанныхъ Спасителемъ на судѣ у Пилата: *если бы отъ міра сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за меня.*, (Іоан. XVШ, 36) ясно высказано, что противленіе силой, самозащита въ царствахъ міра сего дѣло естественное. Затѣмъ, два изреченія Спасителя имѣютъ какъ бы воинскій характеръ, звучатъ воински. *Не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ* (Мт. X, 34). Другое, сказанное на прощальной вечери: *тогда Онъ сказалъ имъ: но теперь кто имѣетъ мѣшокъ, тотъ возьми его, также и суму; а у кого нѣтъ, продай одежду свою и купи мечъ. Они сказали: Господи! вотъ здѣсь два меча. Онъ сказалъ имъ: довольно.* (Луки, XXП, 36—38) [1]) Далѣе, эсхатологія апо-

[1]) Первое изреченіе содержитъ въ себѣ увѣщаніе къ бодрствованію и обозначаетъ раздѣленіе между людьми до преслѣдованія другъ друга, до убійства послѣдователей ученія Христа тѣми, которые привязаны къ интересамъ земного міра, лежащаго во злѣ.—

Во второмъ изреченіи словомъ о „мечѣ“ Господь не то хочетъ сказать, что ученики Его во время своихъ проповѣдническихъ (миссіонерскихъ) путешествій должны будутъ прибѣгать къ защитѣ себя оружіемъ: Господь неоднократно внушалъ имъ, что самъ Богъ ихъ будетъ, когда нужно, защищать (ср. Лук. XLI. 18 и др.). Нѣтъ, Господь хочетъ сказать своимъ ученикамъ, что отнынѣ для нихъ наступаютъ времена крайне тяжелыя, что ихъ положеніе въ мірѣ совершенно измѣняется. Пока они были съ Нимъ, Онъ сохранялъ ихъ. Теперь же безъ Него они будутъ подвергаться преслѣдованію со стороны міра за Него, который „долженъ быть причтенъ къ злодѣямъ“ и за Его Евангеліе. Но ученики поняли слово Господа о „мечѣ“ чувственно, думая, что Христосъ дѣйствительно совѣтуетъ имъ запастись мечами въ виду угражающей опасности, и показали два меча, бывшіе у нихъ. Тогда Спаситель, видя, что ученики совершенно Его не понимаютъ, съ грустью говоритъ: „довольно“ т. е. прекратимъ объ этомъ разговоръ. (Смотр. Толковая Библія, изд. Лопухина, томъ XI, 261 стр.).

калипсиса приписываетъ Мессіи воинственныя черты и даетъ много воинскихъ образовъ борьбы и побѣды (Ап. II.). Но христіанами первыхъ вѣковъ эти образы не понимались какъ основаніе христіанской милиціи, военной организаціи, потомучто Іисусъ Христосъ изображенъ воинственнымъ Христомъ будущаго и его войско суть ангелы, а не люди. Наконецъ, въ посланіяхъ апостоловъ находимъ въ большомъ количествѣ образы и выраженія, заимствованныя изъ военной сферы. Таковые находимъ въ нравственныхъ увѣшаніяхъ ап. Павла. *Мы же будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись въ броню вѣры и любви и въ шлемъ надежды спасенія (I Θес. IV, 8). Въ словѣ истины, въ силѣ Божіей, съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ (2 Кор. VI. 7). Ночь прошла, а день приблизился: и такъ отвергнемъ дѣла тьмы и облечемся въ оружія свѣта (Рим. XIII, 12). Облекитесь во всеоружіе Божіе, что бы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ; потомучто наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міропровителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесной. Для сего пріимите всеоружіе Божіе, да бы вы могли противустать въ день злый и, все преодолѣвъ, устоять: Итакъ станьте, препоясавъ чресла ваши истиною, и облекшись въ броню праведности, и обувъ ноги въ готовность благовѣствовать миръ. А паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ расколенныя стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть слово Божіе* (Ефес. VI, 11—17). Далѣе, у того же апостола встрѣчаемъ названіе христіанина-миссіонера воиномъ Христа и увѣщаніе миссіонера къ христіанской дѣятельности подъ образомъ воина. *Преподаю тебѣ... завѣщаніе: что бы ты воинствовалъ какъ добрый воинъ (I Тим. 18); переноси страданія какъ добрый воинъ Іисуса Христа (2 Тим. II, 3).* Себя апостолъ называетъ воиномъ и своихъ сотрудниковъ по миссіонерству „соратниками“ (Филимону. 2 ст.; Филипп. II, 25), сидящихъ съ нимъ въ темницѣ называетъ „соплѣнниками“ (Рим. XVI, 7; Колос. IV, 10; Филимону, 23 ст.). Въ посланіи къ коринѳянамъ апостолъ

описываетъ свою дѣятельность. воинскими образами: *Ибо мы, хотя въ плоти, не по плоти воинствуемъ. Оружія воинствованія нашего не плотскія, но сильныя Богомъ на разрушеніе твердынь: ими ниспровергаемъ замыслы и всякое превозношеніе, возстающее противъ познанія Божія, и плѣняемъ всякое помышленіе въ послушаніе Христу и готовы наказать всякое непослушаніе, когда ваше послушаніе исполнится (X, 3 - 6).* Въ двухъ случаяхъ ап. Павломъ военная аналогія приводится какъ доказательство реальнаго права, а не какъ идеалъ духовнаго характера. Получая необходимое жизненное содержаніе отъ общинъ, которымъ проповѣдывалъ Евангеліе, апостолъ пишетъ коринѳянамъ, поднявшимъ противъ него оскорбительные упреки: *другимъ церквамъ я причинялъ издержки, получая отъ нихъ содержаніе для служенія вамъ и, будучи у васъ, хотя терпѣлъ недостатокъ, никому не докучалъ* (2 Кор. XI, 8). Апостолъ, устанавливая положеніе, что необходимое жизненное содержаніе апостолъ-миссіонеръ можетъ получать отъ основанной имъ общины, приводитъ военную аналогію: *какой воинъ служитъ когда либо на своемъ содержаніи?* (1 Кор. IX, 8). [1]. Въ другомъ мѣстѣ увѣщевая Тимоѳея, что бы онъ, будучи руководителемъ общины, переносилъ страданія, какъ добрый воинъ Христа, апостолъ продолжаетъ: *никакой воинъ не связываетъ себя дѣлами житейскими, что бы угодить военачальнику* (2 Тим. II, 3). Здѣсь военная аналогія приведена въ доказательство того, что миссіонеръ, какъ и солдатъ, долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ [2]. Конечно всѣ эти военные образы и аналогіи—вооруженія, борьбы, воинствованія Христу—употрсблены апостоломъ въ духовномъ, переносномъ смыслѣ. Все же запрещеніе войны и военной службы христіанамъ рѣшительно, безусловно изреченіями Спасителя и апостоловъ не было дано. Мудрое же житейское правило апост. Павла—*каждый оставайся*

---

[1]) Прим. Съ теченіемъ времени это правило, приводимое апостоломъ, получило широкое развитіе въ церковной жизни.

[2]) Прим. И это положеніе, обоснованное апостоломъ на военной аналогіи, съ теченіемъ времени получило широкое развитіе въ отношеніи къ міру и монашеству.

въ томъ званіи, въ которомъ призванъ (1 Кор. VII, 20) – должно было пониматься и понималось какъ дозволеніе христіанину и военной службы, а значитъ и войны.—

Итакъ, изъ приведенныхъ изреченій Новаго Завѣта слѣдуетъ вполнѣ согласный съ апріорнымъ отношеніемъ христіанскаго ученія къ войнѣ и военной службѣ тотъ выводъ, что новозавѣтная религія прямо и безусловно не запрещала христіанину военной службы и войны.

То же самое положеніе можетъ быть признано допустимымъ съ *нравственной* точки зрѣнія—оправданія добра—и подтверждено фактами евангельской исторіи, характеризующими отношеніе Спасителя и Апостоловъ къ военной службѣ.

Спаситель заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ любовь ко всѣмъ людямъ, не исключая и враговъ; заповѣдалъ въ стремленіи къ совершенству уподобляться Отцу Небесному. Если бы всѣ люди на землѣ стали истинными христіанами, проникнутыми живой всеобъемлющей любовью къ ближнимъ, тогда конечно не могло быть не только войны, но и подготовки къ войнѣ. Тогда исполнились бы слова пророка Исаіи о будущемъ царствѣ Іеговы: *люди перекуютъ мечи свои на плуги и копья свои на серпы, не подниметъ народъ на народъ меча и не будутъ болѣе учиться воевать* (Исаіи, II гл., 4 ст.) Но таковое состояніе взаимоотношенія людей на землѣ являлось идеаломъ. Въ дѣйствительности же какъ въ началѣ христіанской эры въ мірѣ языческомъ, такъ и въ послѣдствіи, не смотря на распространеніе новаго ученія у многихъ народовъ, въ мірѣ христіанскомъ на землѣ господствуетъ грѣхъ. Беззаконія, по словамъ Спасителя, ко времени Его втораго пришествія еще умножатся (Мт. XXIV, 12). Здѣсь то и кроется источникъ войны. Война есть слѣдствіе грѣха, сущность котораго лежитъ въ эгоизмѣ. Эгоизмъ порождаетъ раздоръ, раздѣленіе, вражду во взаимоотношеніяхъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ. Въ послѣднемъ случаѣ и возникаетъ война. Строго говоря, можно даже установить, что война началась братоубійствомъ Каина. И пока каиновы чувства въ сердцахъ людей не исчезли, пока будетъ существовать и господствовать въ мірѣ, на землѣ грѣхъ, пока

живутъ и дѣйствуютъ въ свободномъ человѣкѣ его страсти, будетъ и война. Посему нечего обманываться мечтами о достиженіи на землѣ вѣчнаго мира. Напротивъ, въ послѣднія времена предъ концомъ міра, когда грѣхъ достигнетъ наивысшаго развитія, по слову Спасителя, войны будутъ очень велики: *услышати имате брани и слышанія бранемъ. Зрите, не ужасайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти. Возстанетъ бо народъ на народъ и царство на царство* (Мт. XXIV, 6—7).

Такое происхожденіе войны весьма яснымъ дѣлаетъ и отношеніе къ войнѣ христіанина. Любовь христіанина къ ближнему должна простираться до уподобленія любви Божіей, не имѣюшей ни къ кому лицепріятія. Но любовь Божія ограничиваетъ и наказываетъ зло. И любовь христіанина должна терпѣть зло только въ той мѣрѣ, въ какой оно остается безвреднымъ для славы Божіей и спасенія ближняго. Въ противномъ же случаѣ та же самая любовь должна вызывать ревность по Богѣ, святой гнѣвъ, должна заставлять христіанина ограничивать и противодѣйствовать ему, что особенно возлагается на начальство (Рим. ХШ, 1—4). Но если такъ, если христіанинъ, защищая однихъ, вынуждается физически противиться, воевать съ другими, то не нарушаетъ ли онъ тѣмъ самымъ заповѣди о любви ко всѣмъ людямъ, не исключая и враговъ? Такой вопросъ съ характеромъ видимо непримиримаго противорѣчія съ точки зрѣнія отрицающихъ войну для христіанина былъ нѣкогда предложенъ сарацинами св. Кириллу, просвѣтителю славянъ. „Если говорили сарацины, Христосъ есть Богъ вашъ, то почему вы не дѣлаете того, что Онъ повѣлѣваетъ: молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ васъ, обращать ланиту бьющимъ: вы же не такъ, а совсѣмъ противно поступаете; изощряете оружіе противъ враждующихъ, выходите на брань съ ними и умерщвляете ихъ“? Св. Кириллъ отвѣчалъ такъ. „Если въ какомъ нибудь законѣ предлагаются двѣ заповѣди, то кто будетъ истиннѣйшимъ законоблюстителемъ: тотъ ли, который исполнитъ одну заповѣдь, или тотъ который исполнитъ обѣ заповѣди“? „Безъ сомнѣнія тотъ, который исполнитъ обѣ заповѣди“,

отвѣтили сарацины. Тогда св. Кириллъ сказалъ имъ: „Христосъ Богъ повелѣлъ намъ молиться за обижающихъ насъ и благотворить имъ, но онъ же заповѣдалъ намъ: *больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Поэтому мы терпимъ обиды, причиняемыя каждому изъ насъ отдѣльно, но въ обществѣ защищаемъ другъ друга и полагаемъ свою душу за братьевъ нашихъ, дабы вы, увлекая ихъ въ плѣнъ, не плѣнили вмѣстѣ съ тѣлами души ихъ, увлекая благочестивыхъ къ своимъ злымъ и богопротивнымъ дѣламъ“ [1]). То же самое положеніе о необходимости защищать одного ближняго силой, войной, отъ обиды, зла, причиняемаго ему другимъ, раскрыто въ выпуклой формѣ извѣстнымъ русскимъ мыслителемъ Вл. Соловьевымъ. „Всѣ люди братья, говоритъ Соловьевъ, но вѣдь братья то бываютъ различные. И почему же мнѣ не поинтересоваться, кто изъ моихъ братьевъ Каинъ и кто Авель? И если на моихъ глазахъ мой братъ Каинъ деретъ шкуру съ брата Авеля и я именно по неравнодушію къ братьямъ дамъ брату Каину такую затрещину, чтобъ ему больше не до озорства было,—вы вдругъ меня укоряете, что я про братство забылъ! Отлично помню, поэтому и вмѣшался, а если бы не помнилъ, то могъ бы спокойно мимо пройти“ [2]), то есть, христіанинъ ни на минуту, не долженъ забывать о всеобщемъ братствѣ, а потому и не долженъ быть равнодушнымъ къ каинскимъ поступкамъ однихъ по отношенію къ другимъ, содѣйствуя по мѣрѣ своихъ силъ водворенію на землѣ правды и мира, т. е. царства Божія.

Въ такомъ смыслѣ для защиты ближнихъ по мотивамъ защиты правды и добра христіанинъ можетъ нарушить миръ. [3]). И св. писаніе, требуя отъ послѣдователей новозавѣтнаго ученія

---

[1]) Барсовъ, Четвероевангеліе. 1 томъ, 457 стр.

[2]) Соловьева, Три разговора. Изд. 1901 г. 37 стр.

[3]) Прим. Защиту ближнихъ по началамъ истиннаго патріотизма тоже нельзя считать несовмѣстимой съ христіанскимъ ученіемъ. См. Никольскаго, Христіанство. патріотизмъ и война. Казань, 1904 г. 1—50 стр.

любовнаго, братскаго отношенія ко всѣмъ людямъ, не заповѣдуетъ мира во что бы то ни стало, т. е. даже жертвуя ради мира правдой, но говоритъ: *если возможно, миръ имѣйте со всѣми людьми* (Рим. XII, 18). т. е. будте мирны, но не въ ущербъ истинѣ и благочестію. И не всякій миръ поэтому, если миромъ называть только отсутствіе военныхъ дѣйствій, можетъ быть для истиннаго христіанина желателенъ, терпимъ, считаться за благо. *„Ненавистенъ Богу тотъ міръ, когда отъ малаго до большаго каждый предань корысти и отъ пророка до священника всѣ дѣйствуютъ лживо; врачуютъ раны народа легкомысленно говоря: миръ!, а мира нѣтъ“*. (Іерем. VI, 13—14). Поэтому нельзя считать справедливымъ негодованія на войну, предпринятую для водворенія попранной справедливости, для защиты и освобожденія слабыхъ отъ сильныхъ, когда кругомъ царитъ нарушеніе божественной правды. „Ты, пишетъ Кипріанъ карѳагенскій къ Димитріану [1]), негодуешь на войну, но если въ душѣ твоей живы движенія вражды и самолюбія, если ты несправедливъ и обидчикъ, если ты ежедневно воюешь съ женою, дѣтьми, слугами и сосѣдями, то справедливо ли ты гнѣваешься на войну“?

Отсюда война для христіанина, являющаяся въ своемъ происхожденіи, какъ слѣдствіе господства грѣха среди людей, есть несчастіе, бѣдствіе, зло физическое. Въ этомъ именно смыслѣ церковь всегда молитъ Бога объ избавленіи ея членовъ: *отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменныхъ, междоусобныя брани*... Съ этой точки зрѣнія нужно разсматривать и оцѣнивать и убійство на войнѣ.

При убійствѣ одного человѣка другимъ, говоритъ Соловьевъ [2]), зло состоитъ не въ физическомъ фактѣ лишенія жизни, а въ нравственной причинѣ этого факта, именно въ злой волѣ убивающаго. На войнѣ же у отдѣльнаго солдата злаго намѣре-

---

[1]) Письмо Кипріана карѳагенскаго къ Димитріану. См. Христіанск. Чтен. 1830 г.. XXXIX томъ. 252 стр.

[2]) Соловьевъ, Три разговора, стр. 15.

нія и не бываетъ, особенно при господствующемъ нынѣ способѣ боя изъ дальнострѣльныхъ ружей и пушекъ противъ невидимаго за разстояніемъ врага". На войнѣ единичныя лица вообще участвуютъ пассивно, а не активно (хотя возможно конечно и послѣднее). Положеніе здѣсь отдѣльнаго солдата можетъ быть сравнено съ положаніемъ начальника, носящаго мечъ не напрасно, но для наказанія злыхъ (Рим. XIII, 4). Начальникъ можетъ жалѣть, скорбѣть, но наказываетъ лишеніемъ жизни человѣка, причинившаго зло не ему, а другому. Какъ то, такъ и другое убійство не столько грѣхъ, сколько несчастіе. Поэтому въ сознаніи христіанскаго общества, въ сознаніи выдающихся своею святостію руководителей церковной жизни, великихъ подвижниковъ, убійство на войнѣ не считалось преступленіемъ, равнымъ убійству человѣка въ мирное время по злой волѣ. Св. Аѳанасій Александрійскій въ посланіи къ Аммуну монаху пишетъ: „Не позволительно убивать, но убивать враговъ на брани и законно и похвалы достойно. Такимъ образомъ одно и то же смотря по обстоятельствамъ непозволительно, а въ другихъ обстоятельствахъ благовременнно, допускается и дозволяется" [1]). У св. Іоанна Златоуста читаемъ: „Иногда убійство вмѣняется въ правду. именно тогда, когда не станемъ просто судить о дѣлахъ, но будемъ тщательно вникать во время, причину, намѣреніе, въ различіе лицъ и во всѣ другія обстоятельства" [2]). А преподобный Сергій Радонежскій, какъ извѣстно, не только благословилъ Дмитрія Донскаго на брань съ Мамаемъ, но еще далъ ему своихъ иноковъ, витязей, павшихъ на полѣ брани. Въ этихъ и другихъ многочисленныхъ случаяхъ не можетъ быть конечно и рѣчи о неправильномъ христіанскомъ сознаніи подъ вліяніемъ житейскихъ обстоятельствъ, а тѣмъ болѣе о

---

[1]) Заозерскаго, Отношеніе св. православной церкви къ миру и войнѣ. Богословскій Вѣстн., 1894 г. январь, 75 стр.

[2]) Творенія Іоанна Златоуста; VII томъ, I книга, 200—201 стр.

сознательной лжи, какъ говорятъ противники всякой войны съ христіанской точки зрѣнія [1]).

Отсюда выводъ будетъ такой. Христіанское нравственное ученіе послѣдователю новозавѣтной религіи не запрещаетъ войны безусловно. Война допустима, какъ крайнее средство защиты добра; при этомъ она составляетъ несчастіе, бѣдствіе. И самое убійство на войнѣ поэтому не столько преступленіе, грѣхъ, сколько несчастіе.

Далѣе. Отсутствіе запрещенія военной службы для вступающихъ и вступившихъ въ новозавѣтную церковь подтверждается нѣсколькими фактами изъ исторіи первыхъ дней христіанства. Ни Спаситель, ни апостолы не требовали отъ вступающихъ въ новое Христово царство, отъ увѣровавшихъ во Христа воиновъ оставленія ими военной службы. Еще Великій пророкъ, Предтеча и Креститель Христа Іоаннъ приходившимъ къ нему креститься воинамъ, на вопросъ, что имъ дѣлать, не сказалъ: бросьте свое оружіе, бросьте свою службу, хотя эти воины и были наемные [2]), а только повелѣлъ имъ честно проходить свою службу: ***никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ*** (Луки Ш, 14 [3]). Когда къ Спасителю

---

[1]) Прим. Поэтому противники войны съ христіанской точки зрѣнія совершенно произвольно поступаютъ, измѣняя заповѣдь *не убій* въ заповѣдь *не воюй*.

[2]) Прим. Со времени Марія (за I вѣкъ до Р. Христ.) римское войско было наемнымъ войскомъ. Сюда могли поступать даже вольноотпущенники и рабы, одаряемые свободой и правомъ гражданства. Для неимущихъ людей военная служба того времени представляла желанный случай къ обогащенію. См. Любкера, Реальный словарь классической древности. Переводъ проф. Модестова. Сп. 1888 года, 395 стр.

[3]) Прим. Переданный Евангелистомъ Лукой этотъ отвѣтъ Іоанна Крестителя приходившимъ къ нему солдатамъ заслуживаетъ большаго вниманія. Отвѣтъ Іоанна Крестителя воинамъ сходенъ съ отвѣтомъ, даннымъ мытарямъ; тѣмъ и другимъ указывается не бѣгство изъ ихъ званія, а простая мораль. Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что Евангелистъ Лука писалъ не для іудеевъ, а слѣд. и не для іудейскихъ сол-

пришелъ капернаумскій сотникъ (офицеръ), моля Его исцѣлить слугу заочно, Спаситель, видя непоколебимую вѣру сотника, исполнилъ его просьбу, но не сдѣлалъ ему, вѣрующему, никакого наставленія, что военныя занятія его служатъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію нравственнаго совершенства (Мт. VШ, 5—13); слѣдовательно, Спаситель не считалъ сотника стоявшимъ на ложномъ пути. Другой случай имѣлъ мѣсто въ Кесаріи палестинской, тоже въ отношеніи къ сотнику—Корнилію (Дѣян. X глав). Корнилій, по внушенію Ангела, просилъ ап. Петра придти къ нему, чтобы услышать отъ него слова спасенія. И къ пришедшему уже въ домъ сотника, послѣ особаго Божественнаго видѣнія, ап. Петру Корнилій говоритъ: нынѣ мы всѣ предъ Богомъ предстоимъ слышать *все*, повелѣнное тебѣ отъ Бога. И апостолъ изложилъ предъ собравшимися слушателями *всю* сущность христіанскаго благовѣстія. Еще во время проповѣди слушающіе получили дары Св. Духа, какъ видимый знакъ принятія ихъ въ церковь спасаемыхъ, и были крещены апостоломъ. Если бы апостолъ Петръ считалъ военное званіе несовмѣстимымъ съ христіанскимъ исповѣданіемъ, то въ своей рѣчи о *всемъ* потребномъ для вступленія въ христіанскую церковь онъ непремѣнно сказалъ бы объ этомъ.

Итакъ, христіанское ученіе своимъ послѣдователямъ войны не предписываетъ, но прямо, безусловно ее и не запрещаетъ. Косвенно же оно войну дозволяетъ, терпитъ, но только какъ крайнее дѣло необходимой, по христіанскимъ мотивамъ и цѣлямъ, защиты ближнихъ. Терпитъ только эти, такъ называемыя, идейныя войны, вытекающія изъ сознанной священной необходимости возстановить нарушенную справедливость, попранныя права. При этомъ и таковыя войны, вытекающія изъ идеальныхъ побужденій, считаетъ несчастіемъ, бѣдствіемъ.

дать, служившихъ въ войскахъ Ирода Антипы. Значитъ, Евангелистъ желалъ сказать своимъ христіанскимъ изъ язычниковъ читателямъ, что *христіанинъ солдатъ* тѣмъ доказываетъ свою принадлежность къ христіанству, что онъ воздерживается отъ грабежа и насилія.

Теперь мы и прослѣдимъ, какъ христіане первыхъ трехъ вѣковъ, въ до константиновскую эпоху, относились къ военной службѣ; разсмотримъ: принципіальныя, теоретическія сужденія о военной службѣ и фактическое отношеніе къ военной службѣ за указанное время.

ГЛАВА II.

Принципіальное отношеніе христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ къ военной службѣ въ послѣ-апостольскую эпоху выразилось: 1) въ многочисленныхъ образахъ и аналогіяхъ, заимствованныхъ церковными писателями изъ военной жизни; 2) въ сужденіяхъ отдѣльныхъ лицъ, представителей христіанства, о войнѣ и военной службѣ, и 3) въ каноническихъ постановленіяхъ отдѣльныхъ церквей относительно христіанъ, поступающихъ и состоящихъ на военной службѣ. Разсмотримъ каждое изъ этихъ положеній.

1. Въ христіанской литературѣ послѣ апостольскаго времени военные образы и аналогіи встрѣчаются весьма часто.

Климентъ, епископъ римскій, въ посланіи къ коринѳянамъ пишетъ: „Итакъ, братья, будемъ всѣми силами воинствовать надъ святыми Его повелѣніями (подъ непорочнымъ начальствомъ Его—Бога). Представимъ себѣ воинствующихъ подъ начальствомъ вождей нашихъ, какъ стройно, какъ усердно, какъ покорно исполняютъ они приказанія. Не всѣ епархи, не всѣ тысяченачальники, или стоначальники или пятидесятиначальники и такъ далѣе, но каждый въ своемъ чинѣ исполняетъ приказанія царя и полководцевъ“ [1]). Здѣсь Климентъ разсматриваетъ всѣхъ христіанъ, какъ воиновъ Бога, а послушаніе въ войскахъ и распредѣленіе служащихъ на ранги, какъ образецъ для христіанскихъ общинъ. Послушаніе, подобное военному, онъ восхва-

---

[1]) Климента Римскаго, 1 Корин., XXXVII гл. Памятники древней христіанской письменности. Переводъ Преображенскаго. Москва 1860 г. Томъ 1; 138 стр.

ляетъ, какъ самое правильное поведеніе христіанъ не только въ отношеніи къ Богу, но и въ отношеніи къ церковнымъ начальникамъ. Какъ по началамъ военной организаціи проведена рѣзкая грань между офицерами и солдатами—первые повелѣваютъ, вторые повинуются,—такъ аналогично этому должно быть и въ христіанскихъ общинахъ; всѣ христіане солдаты; они имѣютъ своихъ предводителей-пресвитеровъ, которымъ и должны повиноваться.

Игнатій Богоносецъ, епископъ антіохійскій, въ своемъ посланіи къ Поликарпу, епископу смирнскому, разсматриваетъ христіанъ, какъ воиновъ Бога, и въ нравственныхъ увѣщаніяхъ ихъ, подобно апостолу Павлу (Еф. VI, II—17), употребляетъ военные образы и термины. „Благоугождайте тому, для Кого воинствуете вы, отъ Кого получаете содержаніе. Пусть никто изъ васъ не будетъ перебѣжчикомъ. Крещеніе пусть остается съ вами, какъ щитъ; вѣра—какъ шлемъ; любовь,—какъ копье; терпѣніе, какъ полное вооруженіе. Взносомъ вашимъ пусть будутъ дѣла ваши, что бы послѣ получить вамъ слѣдующую вамъ прибыль“ [1]). Въ посланіи къ смирнянамъ Игнатій Богоносецъ говоритъ о знаменіи, которое воздвигъ Іисусъ Христосъ своимъ воскресеніемъ [2]). Таковое знамя—крестъ—онъ считаетъ какъ бы военнымъ знаменемъ для христіанъ изъ іуедевъ и язычниковъ.

Іустинъ Философъ Мученикъ, величайшій изъ апологетовъ втораго столѣтія, въ своей апологіи, обращенной къ императору, называетъ христіанъ воинами мирными и, говоря о клятвѣ знамени римскихъ солдатъ, приводитъ въ параллель ей вѣрность христіанъ своему долгу. Указавъ императору, что христіане не ждутъ никакого земнаго царства, и что небесное царство, имѣющее придти, будетъ царствомъ мира, Іустинъ придаетъ особенное значеніе пророчеству Исаіи (II гл.): „Отъ Сіона выйдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима, и Онъ бу-

---

[1]) Посланіе къ Поликарпу, VI гл. Переводъ Преображенскаго, 1 т. 428 стр.

[2]) Посланіе къ смирнянамъ, 1 гл. ibidem, 417—418 стр.

детъ судить посреди народовъ и изобличитъ много людей, и раскуютъ мечи свои на орала, и копья свои на серпы, и не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ умѣть уже воевать“ [1]). Апологетъ указываетъ императору, что это предсказаніе уже начало исполняться среди принявшихъ христіанское ученіе. Христіане въ этомъ случаѣ воины, но воины особаго рода, мирные воины; они не идутъ покорять своихъ враговъ, но за добро добровольно идутъ на смерть; эти воины въ вѣрности своему долгу и въ мужествѣ смерти превосходятъ всѣхъ. „Смѣшно было бы—тогда какъ присягающіе вамъ и вписываемые на службу воины держатся даннаго слова, и предпочитаютъ это и собственной жизни, и родителямъ, и отчизнѣ и всѣмъ домашнимъ, не смотря на то, что вы не можете доставить имъ нетлѣнной награды,—если бы мы, желая нетлѣнія, не переносили всего для полученія желаемаго отъ Того, Который можетъ дать“ [2]).

Климентъ александрійскій, христіанскій философъ (около 200 г.) употребляетъ военные образы только какъ риторическій пріемъ, не придавая имъ цѣны дѣйствительныхъ аналогій. Такъ въ Протрептикѣ, указывая на ап. Павла (Ефрс. VI, 11—17), онъ пишетъ: „Мощными звуками трубными у васъ созываютъ воиновъ и оповѣщаютъ о войнѣ; почему же Христу, своей мирной проповѣдью наполнившему всю землю до крайнихъ ея предѣловъ, собирать непозволительно своихъ мирныхъ споборниковъ? О человѣкъ! Христосъ собралъ нынѣ кровію и словомъ поистинѣ цѣлое войско, крови не проливающее, и передалъ въ собственныя твои руки царство небесное. Труба Христова, это—Евангеліе. Онъ трубилъ, а мы слушали. Пожелавъ мирнымъ образомъ вооружиться, облечемся въ панцырь праведности, возьмемъ щитъ вѣры, надѣнемъ шлемъ спасенія и изощримъ мечъ духа; мечемъ этимъ состоитъ Слово Божіе. Вотъ строй, въ который насъ ставитъ апостолъ: вотъ неуязвимые наши доспѣ-

---

[1]) Аполог. 1, 39 Ibidem., 2 томъ, 76—77 стр.

[2]) Апол. 1, 39. Ibidem. 77 стр.

хи. Въ этомъ вооруженіи ринемся противъ зла“ [1]). Въ Стромата́хъ Климентъ говоритъ: „Какъ солдатъ на войнѣ не можетъ оставить поста, который указалъ ему командиръ, такъ мы не можемъ оставить поста, который дало намъ Слово“ [2]). Въ Педагогѣ читаемъ: „Какъ полководецъ чрезъ то держитъ армію въ порядкѣ, что заботится о здоровьи солдатъ, подобнымъ образомъ и Педагогъ нашъ учитъ насъ такому образу жизни, который ведетъ ко спасенію“ [3]). Въ разсужденіи „Какой богачъ спасется“ Климентъ говоритъ въ глубоко прочувствованныхъ словахъ о внутренней борьбѣ, которая тяжелѣе, чѣмъ всякая внѣшняя война и преслѣдованіе, и которая кончается только смертію, но и здѣсь отклоняетъ военныя аналогіи: „Вопреки другимъ людямъ собирай для себя войско, войско безоружное, къ войнѣ неспособное, отъ пролитія крови отвращающееся, незлобивое, непорочное“ [4]). А въ Педагогѣ читаемъ: „Не въ военное время, а во времена мирныя совершается наше спасеніе. Война требуетъ сложныхъ приготовленій; миръ же и любовь, двѣ простыя и нѣжныя сестры, не нуждаются ни въ какомъ оружій и ни въ какихъ сложныхъ снаряженіяхъ“ [5]).

Оригенъ, величайшій богословъ первой половины третьяго вѣка, примѣняетъ аллегорическій, иносказательный методъ къ толкованію Св. писанія и всѣ ветхозавѣтныя войны объясняетъ въ духовномъ смыслѣ (войны противъ грѣха), равно какъ и аналогіи военнаго характера у ап. Павла [6]).

Въ западной, латинской литературѣ идея о воинствѣ Христа (militia Christi) получила сильное фактическое выраженіе

---

[1]) Протрептикъ, XI гл. Переводъ Корсунскаго, Ярославль, 1888 г., 169 стр.

[2]) Строматы, VII, 10. Переводъ Корсунскаго Ярославль, 1892 г.

[3]) Педаг. 1, 7.—Переводъ Корсунскаго Ярославль, 1890 г., 53 стр.

[4]) 31 гл.—Переводъ Корсунскаго, Ярославль, 1888 г., 36 стр. *Прим.* Здѣсь Климентъ разумѣетъ вдовъ и сиротъ, нуждающихся въ помощи.

[5]) Пед. 1, 12.—Переводъ Корсунскаго, 101 стр.

[6]) Прим. Подробно объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

въ лицѣ Тертулліана, пресвитера карѳагенской церкви (конца втораго столѣтія). Возставая противъ свѣтскаго, мірскаго званія солдата, противъ военной службы христіанъ въ римскихъ легіонахъ, Тертулліанъ даетъ подробныя картины, многочисленныя описанія духовной военной службы христіанъ. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ обозначаетъ христіанъ, какъ воиновъ Христа; напр. онъ пишетъ: „Но развѣ мы не навербованы въ воинство Іисуса Христа съ тѣхъ поръ, какъ крещеніе насъ удостоило“? [1]). Тюрьму, въ которой заключены христіане, онъ въ одномъ мѣстѣ обозначаетъ какъ мѣсто битвы, гдѣ рѣшается борьба съ діаволомъ: „Вы священные атлеты вошли въ тюрьму единственно для того, чтобы восторжествовать надъ симъ гордымъ врагомъ (діаволомъ) въ самой его крѣпости“ [2]). Іисуса Христа Тертулліанъ называетъ „императоромъ“ (полководцемъ): „Развѣ мы не солдаты, и развѣ наша дисциплина не тѣмъ выше, чѣмъ выше нашъ императоръ“? [3]). „Тотъ для меня хорошій солдатъ своего императора Христа, кто вполнѣ вооруженный по Апостолу (очевидно, Ефес. VI), услышавъ трубу преслѣдованія, бѣжитъ въ день преслѣдованія“ [4]). При этомъ для него епископы, пресвитеры и діаконы суть вожди (duces), а міряне—простая толпа, отрядъ солдатъ. „Когда вожди (діаконы, пресвитеры и епископы) бѣгутъ, кто изъ рядовыхъ солдатъ возьметъ на себя обязанность призывать къ твердости сражающихся въ рядахъ“? [5]). Далѣе, по Тертулліану военная дисциплина, также лишенія и труды, какіе несутъ солдаты въ арміи, возложены и на христіанъ. „Воинъ не долженъ ожидать, чтобы война производилась на поляхъ, исполненныхъ пріятностей. Чтобы вступить въ сраженіе, ему надобно не съ мягкой и покойной постели вставать, но выхо-

---

[1]) Посланіе къ Мученикамъ. Творенія Тертулліана, переводъ Карнѣева. С.-П. 1847 г., 2 часть; 197 стр.

[2]) Ibidem., 191 стр.

[3]) Tertull, de exhort., 12. Смотри Harnack., 1905 г. 108 стр.

[4]) Tertull., de fuga, 10. Смотри. Hernack., 1905 г., 108 стр.

[5]) Terlull., de fuga, 11. Смотри Harnack., 1905 г., 108 стр.

дить изъ лагеря, гдѣ жесткость земли, суровость воздуха и грубость пищи пріучили уже тѣло его къ трудамъ. Во время даже мира воины занимаются военными экзерциціями. Они ходятъ не иначе, какъ покрытые оружіемъ; бѣгаютъ, показывая видъ, что аттакуютъ непріятеля; производятъ окопы, дѣлаютъ приступы; покрываются потомъ и пылью при сихъ занятіяхъ, чтобы пріучить тѣло къ усталости и одушевиться мужествомъ. Они легко переходятъ изъ тѣни на солнце, изъ хорошаго времени на дождливое, изъ тишины на шумъ, изъ шума на тревогу; сбрасываютъ съ себя тунику, чтобы надѣть латы. Такимъ образомъ, какъ бы жестоки ни казались вамъ, знаменитыя служительницы Іисуса Христа (я обращаю рѣчь и къ вамъ), неудобства темницы, вы (святые мученики) должны ихъ считать для себя какъ бы упражненіемъ для испытанія силъ тѣла и души вашей". [1]). Подобное же читаемъ въ его Апологіи. „Мы любимъ страданія, но любимъ какъ войну, на которую никто не идетъ съ охотой по причинѣ безпокойствъ и опасностей; тѣмъ не менѣе на войнѣ каждый сражается съ мужествомъ, не жалуясь на войну, радуется побѣдѣ, потому что возвращается съ войны со славой и добычей. Намъ объявляется война, когда ведутъ насъ въ судилище, гдѣ мы сражаемся за истину съ опасностію жизни. Мы не одерживаемъ побѣду, потому что получаемъ то, что составляетъ цѣль сраженія. Плодъ побѣды состоитъ во славѣ сдѣлаться благоугоднымъ Богу; этимъ пріобрѣтается жизнь вѣчная" [2]). Еретики, по выраженію Тертулліана, суть мятежники и перебѣжчики церкви. „Нигдѣ люди такъ скоро не повышаются въ чины, какъ въ скопищахъ мятежниковъ (т. е. еретиковъ), гдѣ мятежъ почитается заслугою" [3]). Затѣмъ, Тертулліанъ понятіе „таинство" употребляетъ, какъ равнозначущее присягѣ знамени (sa-

---

[1]) Посланіе къ Мученикамъ, 3. Творенія Тертулліана. Русскій переводъ, 2 часть. 197 стр.

[2]) Аполог. X гл. Ibidem., 1 часть, 102 стр.

[3]) Прещенія противъ еретиковъ, XLI гл. Ididem, 188 стр.

cramentum = присяга знамени) и притомъ не какъ что либо новое, незнакомое западнымъ христіанамъ, но какъ хорошо извѣстное [1]). „Мы, пишетъ апологетъ, были призваны къ солдатскому званію живаго Бога еще тогда, когда произносили присягу знамени (sacramentum), т. е. при крещеніи“ [2]). „Правила, которымъ христіане слѣдуютъ, назначены чрезъ единогласное преданіе одного и того же таинства (sarcamentum), присяги (именно произносимой при исповѣданіи вѣры при крещеніи“) [3]). Позволительно ли присягать знамени (sarcameutum), которое имѣетъ значеніе для человѣка, послѣ того какъ мы приняли божескую присягу (sacramentum; при крещеніи). И позволительно ли намъ послѣ Христа присягать какому либо другому Господу, и отрекаться отъ отца, матери и ближняго“? [4]). „Несовмѣстима божеская и человѣческая присяга знамени (sarcamentum), знакъ Христа и знакъ діевола, лагерь свѣта и лагерь тьмы“ [5]). „Повелѣно мнѣ, чтобы я любилъ Бога всѣми своими силами. На основаніи этой присяги знамени (sacramentum) я солдатъ... въ защиту своей присяги я буду сражаться, буду раненъ, пораженъ, убитъ“ [6]). „Воинъ не перебѣгаетъ къ врагамъ, иначе, какъ оставивъ свою прежнюю службу, покинувъ знамена своего государя“ [7]) Послѣднія тирады показываютъ, что Тертулліанъ и западные христіане чувствовали себя дѣйствительно и формально солдатами Христа. Они приносили Ему клятву при крещеніи, обѣщались здѣсь Христу и только

---

[1]) Прим. Въ латинскомъ церковномъ языкѣ слово „таинство“ (csacramentum) имѣло двоякій смыслъ: чувственный знакъ святого дѣйствія и воинскую присягу знамени. Смотри Harnack., 1905 г. 33—34 стр.

[2]) Посл. къ Муч. 3. Переводъ Карнѣева, 2 часть, 197 стр. Ср. Harnack., 1905 г., 108 стр.

[3]) Прещенія противъ ерет. XX гл. Ibidem., 1 часть, 166 стр. Ср. Haruack., 1905 г. 105 стр.

[4]) Tertull. De corona militis, 11. См. Harnack., 1905 г., 106 стр.

[5]) Объ Идолопокл. XIX. гл. Ibidem; 107 стр.

[6]) Tertull, Scorp., 4. См. Harnack, 1905 г., 108 стр.

[7]) О зрѣлищахъ, XXIV гл. Карнѣева, 2 часть, 154 стр.

Ему, обязывались какъ Его воины. Все же и на западѣ этотъ образъ „воинъ Христа“ (miles Christi) не перешелъ въ дѣйствительность, хотя приближеніе его къ реальному понятію замѣтно у Тертулліана въ двухъ мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ, допуская игру мысли, онъ говоритъ, что христіане могли бы выступить, какъ открытые враги римскаго государства, „Если бы мы вздумали дѣйствовать, какъ открытые непріятели, то конечно не имѣли бы недостатка, ни въ силахъ, ни въ войскахъ. Мавры, Маркоманы, Парѳяне, или другіе какіе л. народы, заключенные впрочемъ въ своихъ предѣлахъ, не столько многочисленны, какъ наша нація, имѣющая предѣлами своими всю вселенную. Неужели мы были бы неспособны воевать, даже и при неравныхъ силахъ, въ то время какъ столь охотно позволяемъ себя умерщвлять, если бы не вмѣняли себѣ въ правило, что лучше переносить, неужели причинять смерть“? [1]). Въ другомъ мѣстѣ Тертулліанъ обращаетъ серьезное вниманіе на „солдатъ“ въ религіи богини Митры.—Религія эта проникла въ имперію изъ Персіи и въ концѣ второго вѣка была особенно распространена въ войскахъ. Принадлежащіе къ этой религіи подраздѣлялись на семь ступеней. Третья ступень снизу, какъ сообщаетъ блаж. Іеронимъ [2]), была дѣйствительно формальной ступенью „солдатъ“ (miles). На этой высшей ступени оглашаемые принимались въ святое войско непобѣдимой богини. Здѣсь, значитъ, было духовное рыцарство и таинство (sacramentum). И другія нѣкоторыя черты христіанской религіи повторялись въ религіи Митры. Сходство это, конечно внѣшнее Тертулліанъ объясняетъ дѣйствіемъ діавола, „который ставитъ себѣ за долгъ скрывать отъ людей истину, и всячески старается въ мистеріяхъ ложныхъ боговъ подражать святымъ образамъ христіанской религіи. Онъ также погружаетъ обожателей своихъ въ воду, и заставляетъ ихъ вѣрить, что въ купели сей получатъ они отпущеніе грѣховъ своихъ. Онъ ставитъ

---

[1]) Апологія, 37 гл. Ibidem, 1 часть, 77 стр.

[2]) Творенія бл. Іеронима. Кіевъ, 1864 г., II томъ, 107 письмо.

знакъ на челѣ воиновъ Митры, когда они посвящаются; приноситъ въ жертву хлѣбъ; предоставляетъ видъ воскресенія; предлагаетъ вмѣстѣ вѣнокъ и мечъ [1]). Послѣднее выраженіе относительно вѣнка освѣщается мѣстомъ изъ другаго сочиненія Тертулліана: „О вѣнкѣ воина“ (De corona militis). Многіе христіане, служившіе въ войскѣ, въ качествѣ отличія принимали на голову военный вѣнокъ. По мнѣнію Тертулліана, это равносильно идолопоклонству. „Стыдите, пишетъ онъ, каждаго солдата, которому любезна Митра. Такіе увѣщеваются въ пещерѣ, въ дѣйствительномъ лагерѣ тьмы, подобно какъ при увѣщаніи къ мученичеству, снять воткнутый на мечъ и потомъ положенный имъ (посвящаемымъ въ воины) на голову вѣнокъ (снять) съ головы удерживаемой рукой и, гдѣ возможно, положить его на плечо со словами; „Митра есть мой вѣнокъ“. Съ этой минуты такъ посвященный никогда не надѣваетъ снова вѣнка, но онъ ему служитъ затѣмъ, чтобы доказать, если гдѣ относительно его таинства поставятъ испытаніе. Онъ будетъ признанъ, какъ солдатъ богини Митры, если онъ сниметъ вѣнокъ съ головы и скажетъ, что вѣнокъ есть у его богини“ [2]).

У писателей третьяго вѣка въ западной церкви увѣщанія нравственныя наполнены образами военной службы, военной дисциплины и самыхъ битвъ. Особенно много такихъ аналогій находимъ у св. Кипріана, епископа карѳагенскаго. Перечислять таковыя мѣста нѣтъ надобности.

Въ заключеніе достаточно сказать, что главные пункты, по которымъ писателями первыхъ трехъ вѣковъ устанавлюваются аналогіи военнаго характера для христіанской религіи, слѣдующіе:

a) Всѣ христіане воины Христа (milites Christi).

b) Іисусъ Христосъ есть полководецъ (imperator).

---

1) Прещенія прот. еретиковъ, XI гл. Переводъ Карнѣева, 1 часть 186 стр.

2) Tertull. De corona militis, 15 гл. см. Harnack., 1905 г. 107 стр. Прим. Послѣдователямъ богини Митры дозволялось въ войскѣ снимать воинскій вѣнокъ съ головы и держать его въ рукѣ. Христіанамъ этого не дозволялось.

c) Крещеніе есть (sacramentum) таинство и присяга знамени.

d) Церковь есть лагерь Бога (castra Dei) [1]).

Однако никогда эти образы не переходили въ реальныя понятія, въ дѣйствительность; никогда въ дѣйствительномъ смыслѣ слова въ до-константиновскую эпоху священная война не проповѣдывалась; церковь не вводила у себя военнаго устройства и не дисциплинировала своихъ вѣрующихъ, какъ солдатъ-христіанъ [2]).

---

2. Переходимъ къ сужденіямъ отдѣльныхъ лицъ о войнѣ и военной службѣ.

Прежде чѣмъ излагать взгляды и сужденія представителей христіанской религіи первыхъ трехъ вѣковъ на военную службу и войну, нужно отмѣтить положеніе, что до второй половины втораго вѣка, т. е. до времени Марка Аврелія христіанскіе первоисточники совершенно умалчиваютъ объ отношеніи христіанъ къ военной службѣ. Со времени же Марка Аврелія имѣются прямые источники, трактующіе о фактическомъ отношеніи христіанъ къ военной службѣ и о мнѣніяхъ объ этой службѣ. Несомнѣнно это молчаніе весьма знаменательно. Въ первоисточникахъ христіанской церкви до половины второго вѣка встрѣчаются трактаты объ отношеніи христіанъ къ правительству, государству, вопросы о бракѣ, о семейной жизни, о рабахъ, объ отношеніи къ язычникамъ, подробныя сужденія объ образѣ жизни христіанъ въ отношеніи къ пищѣ, питью, но совершенно отсутствуетъ здѣсь вопросъ о военной службѣ христіанъ. Весь-

---

[1]) Кипріана карѳагенскаго, Письма: 10, 46, 58, 60, 61, см. Harnack., 1905 года, 110—111 стр.

[2]) Прим. Въ 4-мъ и послѣдующихъ вѣкахъ нѣкоторые войны могутъ быть названы священными; напр.: война Константина В. противъ Ликинія; войны для истребленія язычества V и VI вѣкахъ; крестовые походы въ средніе вѣка; войны, веденныя папствомъ, по теоріи котораго церковь есть владычица и распорядительница всякой силы; войны въ эпоху реформаціи, напр. противъ гугенотовъ и пр.

ма вѣроятно отсюда заключеніе то, что такого вопроса объ отношеніи христіанъ къ военной службѣ, солдатскаго вопроса, до половины второго вѣка и не возникало, не было въ христіанскомъ обществѣ. Основанія же, почему таковой вопросъ совершенно отсутствовалъ, не возникалъ, могутъ быть указаны совершенно противоположныя. Самаго вопроса могло не возникать или потому, что христіане того времени исправно, безукоризненно проходили военную службу, или потому могло его не возникать, что военная служба сама по себѣ, по существу своего характера, для христіанъ признавалась безусловно запрещенной и христіанъ въ военной службѣ не было.

Съ перваго взгляда можно считать вѣроятнымъ первое рѣшеніе, что христіане до половины втораго вѣка въ войскахъ исправно служили. Если бы и существовало запрещеніе служить, то сама жизнь не могла этого допустить по меньшей мѣрѣ для нѣкоторыхъ. Большинство же христіанъ добровольно вступать на военную службу тогда несомнѣно соглашаться не могло. Хищническій характеръ и мотивы войнъ, веденныхъ римскимъ правительствомъ, безстыдство, насиліе и грабительство въ поведеніи солдатъ не только на войнѣ, но и въ мирное время, языческій характеръ лагерной жизни и прочее многое [1]) естественно должны были заставлять христіанина уклоняться отъ вступленія въ ряды войскъ. И сдѣлать это было весьма не трудно. Всеобщей обязанности военной службы въ имперіи тогда не было; число войска по сравненію съ населеніемъ было вообще не велико. Легіоны вербовались изъ добровольцевъ, число которыхъ было больше, чѣмъ требовалось. Это потому, что у римлянъ военное сословіе было почетнымъ и служба въ войскахъ соединялась съ извѣстными выгодами. Только въ особенныхъ случаяхъ необходимости были насильно привлекаемы въ военную службу отдѣльныя лица. При этомъ привлекались почти исключительно гладіаторы, невольники, варвары и всякій сбродъ [2]). Желающему

---

[1]) Прим. Объ этомъ рѣчь подробно будетъ ниже.

[2]) **Harnack.**, 1905 г., 49 стр.

можно было легко, безъ затрудненія, избѣжать солдатской службы. Значитъ, здѣсь никакого конфликта для христіанина не существовало, никакого солдатскаго вопроса не возникало: крещеный христіанинъ могъ не быть солдатомъ.

Иначе стало обстоять дѣло когда христіанская религія проникла въ лагерь, когда солдаты стали принадлежать къ христіанству. Но и тутъ не было нужды ставить солдатскаго вопроса. Великое правило Апостола Павла: ***Каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ онъ призванъ*** могло быть примѣнимо къ солдатскому званію точно такъ же, какъ оно было примѣняемо къ положенію рабства, языческаго супружества и пр. По сравненію съ послѣдними званіями солдатское могло быть только одной ступенью опаснѣе, хуже, но принципіальнаго различія здѣсь никакого не было. Въ каждомъ изъ этихъ званій христіанинъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ завѣтамъ Евантелія до готовности пожертвовать собой. При полной противоположности принципамъ Евангелія жизни того времени общественной, государственной, военной, христіанинъ всюду и всегда долженъ былъ быть подъ опасеніемъ, что можетъ быть легко обнаружена принадлежность его къ преступной сектѣ и онъ долженъ будетъ тогда пожертвовать жизнію за свое исповѣданіе. Но бремя этой тяжести тогда чувствовалось менѣе, чѣмъ позднѣе, въ силу ожиданія христіанами близкой кончины мира. Въ виду этой близости кончины міра христіане терпѣливо переносили бремя несоотвѣтствія окружающей жизни ихъ Евангельскимъ завѣтамъ. Эсхатологія была здѣсь успокаивающимъ принципомъ [1]). Посему

---

[1]) Прим. Христіане тогда по возможности уклонялись отъ несогласной съ ихъ воззрѣніями жизни государственной, общественной, ожидая близкой кончины міра. Иначе стало обстоять дѣло со времени М. Аврелія. Ожиданіе скорой кончины міра замѣняется молитвой объ отдаленіи конца этого міра (pro mora finis. Tertull. Apolog. 24 гл.). Тогда сталъ выступать въ сознаніи вопросъ, какъ устроить свои отношенія къ окружающему языческому міру, какъ измѣнить характеръ его жизни, какъ провести свои воззрѣнія въ языческое общество, не пас-

не удивительно, что никакого солдатскаго вопроса въ христіанскихъ общинахъ до М. Аврелія не возникало и не существовало. Принявшій христіанскую вѣру могъ не поступать въ солдатское званіе [1]), солдатъ же, ставшій христіаниномъ, согласно слову Апостола, терпѣливо несъ бремя и такой тяжести въ виду близости кончины міра.

Теперь и перейдемъ къ изложенію сужденій о военной службѣ писателей эпохи послѣ времени М. Аврелія.

Къ такимъ представителямъ прежде всего принадлежитъ Тертулліанъ [2]).

сивно только, тихо, молчаливо, какъ это имѣло мѣсто раньше, а активно. Тогда то и явился солдатскій вопросъ. см. Harnack., 1906 г. 50—51 стр.

[1]) Прим. Уклоненіе христіанъ, хотя бы нѣкоторыхъ, отъ поступленія на службу въ римскіе легіоны находитъ себѣ подтвержденіе въ обвиненіи языческаго писателя Цельса, писавшаго противъ христіанъ около 150-го года. Этотъ патріотъ и защитникъ порядковъ жизни римской имперіи озабоченъ уже замѣтнымъ ослабленіемъ политическаго могущества имперіи и начинающимся наступленіемъ на нее варваровъ. Сознавая нужду противопоставить варварамъ достаточное количество хорошо обученныхъ легіоновъ войскъ, Цельсъ и бросаетъ упрекъ христіанамъ. „Если, пишетъ онъ, всѣ будутъ поступать, какъ христіане, т. е. уклоняться отъ военной службы, то императоръ останется одинокимъ, и все на землѣ въ короткое время перейдетъ въ руки дикихъ и жестокихъ варваровъ. Поэтому христіане должны оказывать императору всевозможную помощь, поддерживать его въ исполненіи обязанностей своей должности, носить за него оружіе и, если требуетъ необходимость, идти за него на поле сраженія и вести войска (Origenis, Contra Celsum, VII, 70, 73; см. Harnack., 1905 г., 55 стр.). Оригенъ, какъ извѣстно, не опровергаетъ этого фактически, а лишь объясняетъ, почему христіане такъ дѣлаютъ. (Подробно о послѣднемъ сказано будетъ ниже).

[2]) Прим. Изъ эпохи, предшествовавшей Тертулліану противниками военной службы съ христіанской точки зрѣнія иногда называются Таціанъ и Аѳинагоръ. Христіанскій философъ второго вѣка Таціанъ приравниваетъ войну къ простому убійству людей и почетный воинскій вѣнокъ считаетъ наградой, несовмѣстимой съ достоинствомъ христіанина. (См. Bigelmair, Die Beteiligung der Christen am offentlichen Leben.

Карѳагенскій пресвитеръ Тертулліанъ, апологетъ конца втораго вѣка, является воодушевленнымъ и сильнымъ противникомъ военной службы для христіанъ. Онъ подробно разсуждаетъ о недозволительности для христіанина военной службы въ особомъ сочиненіи „О вѣнкѣ солдата“ (De corona militis), написанномъ по слѣдующему случаю. Въ 211 году занялъ римскій престолъ Антонинъ Северъ и его братъ Гета. Приэтомъ приказано было солдатамъ раздать большіе денежные подарки, какъ это вошло въ обычай со времени Цезаря. Въ церемоніальной обстановкѣ каждый солдатъ долженъ былъ получать свой подарокъ самъ, отдѣльно, имѣя притомъ на головѣ лавровый вѣнокъ. При такой церемоніи было обнаружено, что одинъ солдатъ (христіанинъ) несъ вѣнокъ не на головѣ, а держалъ его въ рукѣ. Это вызвало по рядамъ солдатъ негодующій ропотъ, который скоро достигъ до ушей трибуна, судьи. Потребовали у солдата объясненія его поступка и услышали, что онъ христіанинъ. Когда привели виновнаго къ префекту,

---

München., 1902 г., 166 стр.). Сужденіе о войнѣ здѣсь выражено категорически. Но остается совершенно неизвѣстнымъ, на какія посылки христіанскаго вѣроученія опиралось данное воззрѣніе апологета. Въ силу этого указанное свидѣтельство важнаго значенія имѣть не можетъ. Недозволительность для христіанина носить воинскій вѣнокъ тоже неизвѣстно, чѣмъ аргументируется. Объ этомъ послѣднемъ можно заключать лишь по аналогіи съ доводами противъ вѣнка Тертулліана. —Другой апологетъ того же вѣка, Аѳинагоръ, говоритъ, что христіане не должны не только убивать, но должны избѣгать и смотрѣть на убійство (Bigelmair, 166 стр. Подобное читаемъ у Лактанція: „Христіанинъ не только чуждъ всякаго убійства, но считаетъ непозволительнымъ присутствовать и на зрѣлищахъ, гдѣ проливается кровь“. Божественныя наставленія, 1 часть, 18 глава. Русскій переводъ Карнѣева. М. 1848 г. 69 стр.). Нѣтъ твердыхъ основаній утверждать, что здѣсь содержится свидѣтельство противъ недозволительности христіанамъ войны. Безъ всякой натяжки приведенныя слова Аѳинагора можно понимать только въ отношеніи къ частымъ фактамъ убійства людей въ римской имперіи, напр. на зрѣлищахъ.

онъ здѣсь снимаетъ съ себя тяжелое солдатское платье (paenula) [1]), бросаетъ на землю башмаки съ ногъ, отдаетъ назадъ свой мечъ [2]) и бросаетъ на землю вѣнокъ. Виновнаго тотчасъ отвели подъ арестъ, потомъ вѣроятно предали смертной казни, какъ это было обычно въ такихъ случаяхъ. Выдающійся поступокъ солдата различно обсуждался въ христіанскомъ обществѣ. Весьма многіе не одобряли поведенія солдата, ставили въ упрекъ ему, что онъ торопливъ, своенравенъ, вызвался безъ нужды на исповѣданіе христіанской вѣры, тѣмъ самымъ какъ бы напрашивался на мученичество; называли его желающимъ смерти (mori cupidus); ставили въ упрекъ, что онъ всю христіанскую общину подвергалъ тяжелой случайности [3]). Иные наоборотъ защищали солдата, хвалили его поступокъ. Тогда Тертулліанъ выступилъ съ энергичной защитой поведенія солдата въ особо-написанномъ по этому поводу сочиненіи" De corona militis".

Здѣсь Тертулліанъ категорически заявляетъ, что между всѣми солдатами-христіанами только этотъ солдатъ, снявшій съ головы вѣнокъ и заявившій о своемъ христіанскомъ исповѣданіи, есть герой, только онъ христіанинъ. Порицатели солдата, говоритъ Тертулліанъ, ставятъ вопросъ, гдѣ въ Св. Писаніи намъ запрещено ношеніе вѣнковъ? Они думаютъ, что поступокъ, относительно котораго еще существуетъ вопросъ, не можетъ быть проступкомъ. И Апологетъ хочетъ на основаніи цер-

---

[1]) Paenula—простой длинный плащъ безъ рукавовъ, изъ толстой прочной ткани, съ вырѣзомъ кругомъ шеи, въ который просовывали голову и такимъ образомъ покрывали тѣло до колѣнъ. См. Любкера, Реал. словарь, 1156 стр.

[2]) Мечъ (gladius) висѣлъ съ правой стороны, дабы щитъ, носимый на лѣвой рукѣ и по лѣвую сторону, не мѣшалъ при вытягиваніи его изъ ноженъ. Полководцы и командиры, не носившіе щита, носили мечь на лѣвой сторонѣ. Любкера, 1160 стр.

[3]) Harnack.. Die Mission unb Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Iharhunderten. Leipzig, 1902 г., 391 стр. и Harnack., 1905 г., 65 стр.

ковнаго преданія и отрицательныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія ясно показать, что ношеніе вѣнковъ ни въ какой формѣ и ни для какой цѣли христіанину непозволительно.

Надѣвать, пишетъ апологетъ, солдату христіанину на голову вѣнокъ никогда не можетъ быть дозволено (даже при дозволительности военной службы для христіанина), потому что таковой, лавровый вѣнокъ, есть святыня Аполлона и Бахуса. Миртовая вѣтка, которой иногда солдаты себя украшаютъ, посвящена матери Энея, Венерѣ, возлюбленной Бога войны. Увѣнчаніе вѣткой обозначаетъ поклоненіе Минервѣ, богинѣ оружія. А что служитъ основаніемъ этого увѣнчанія? Молитвенное выраженіе, обращенное на Капитолій. Не обращая вниманія на мѣсто, говорятъ: Мы приносимъ тебѣ, Юпитеръ, быка съ золотыми рогами. Всѣмъ извѣстно, что это выраженіе есть отреченіе отъ христіанства. Конечно, губы солдата могутъ молчать, но вѣнокъ на головѣ громко говоритъ. Затѣмъ, вѣнокъ употребляется при раздачѣ солдатамъ подарковъ отъ государя. Это есть тоже идолопоклонство, хотя и оплаченное. За кусокъ золота продается Христосъ, какъ нѣкогда Іудой за сребренники. А тріумфальный вѣнокъ? Изъ чего онъ свитъ? Лавровые ли это листья, или скорѣе не трупы ли это? Чѣмъ онъ украшенъ? Ленты побѣды это, или скорѣе не могильные ли холмы? Чѣмъ онъ орошенъ? Мазь это, или скорѣе не слезы ли, пролитыя супругами и матерями, можетъ быть даже христіанскими, такъ какъ христіанство распространилось уже и между варварами? Христіанину приличествуетъ одинъ вѣнокъ, одна корона, и эту дастъ ему Господь за побѣду. Поэтому Онъ говоритъ: будь вѣренъ Мнѣ до смерти и веди добрую войну за побѣдную корону, на которую надѣется для себя также апостолъ.

Отвергая воинскій вѣнокъ для солдата-христіанина, какъ идолопоклонническій знакъ, Тертулліанъ ставитъ вопросъ вообще о дозволительности военной службы для христіанина. „Прежде всего, говоритъ онъ, нужно разсмотрѣть, могутъ ли христіане вообще быть солдатами? Какое значеніе имѣетъ толковать о постороннемъ, когда уже самое предпоженіе несправедливо

по существу"? [1]). При этомъ апологетъ прежде всего устанавливаетъ различіе между тѣми, которые приняли христіанство уже будучи солдатами, состоя на военной службѣ, и тѣми, которые уже будучи христіанами, потомъ избрали военную службу. Къ первымъ, принявшимъ благодать вѣры уже послѣ вступленія въ солдатское званіе, Тертулліанъ относится снисходительно, находя основаніе для этого въ аналогіи съ тѣми воинами, которымъ дозволилъ креститься Іоаннъ Креститель, и съ тѣми увѣровавшими сотниками, изъ которыхъ одного восхвалялъ самъ Спаситель, а другаго крестилъ ап. Петръ. Но все же говоритъ апологетъ, было бы весьма полезно для нихъ по принятіи христіанской вѣры оставить военную службу; если же нѣтъ, то они должны остерегаться дѣлать что либо такое, что недозволительно и не военному, или же совсѣмъ освоиться съ тѣмъ жребіемъ, какой уже достался другимъ (т. е. мученичествомъ), такъ какъ военная служба не даетъ права ни на безнаказанность за грѣхи, ни на освобожденіе отъ мученичества. Христосъ всегда одинъ и тотъ же; только одно есть Евангеліе; и одинъ только Іисусъ. Онъ отвергнетъ всякаго, отрекшагося, и признаетъ каждаго, исповѣдывающаго Его; Онъ сохранитъ жизнь, пожертвованную ради Него, и погубитъ ту, которую получили не во имя Его. У него вѣрный не солдатъ (т. е. каждый вѣрующій изъ гражданскаго званія) есть (имѣетъ значеніе какъ) солдатъ [2]). Гораздо строже относится апологетъ къ тѣмъ, которые поступили въ военную службу уже послѣ принятія христіанства. Онъ имъ прежде всего даетъ понять, что присяга знамени [3]) имѣетъ значеніе для императора, а не для Іисуса

---

1) Harnack., 1905 г., 63 стр.

2) Harnack., 1995 г., 65 стр.

3) Прим. Каждый рекрутъ при зачисленіи въ войска долженъ былъ дать присягу, солдатскую клятву (sacramentum), обращенную къ лицу императора; формула присяги гласила: послушно исполнять всѣ приказанія императора, никогда его не покидать и идти на смерть за римское государство. См. Любкера, 307 стр. Притомъ же произнесеніе клятвы обыкновенно сопровождалось возліяніями и даже кровавы-

Христа. Эта присяга знамени требуетъ отъ солдата любить императора больше, чѣмъ отца, мать и ближняго, а заповѣдь о почитаніи отца и матери слѣдуетъ непосредственно за заповѣдью о почитаніи Бога и Евангеліе требуетъ для нихъ этой высшей чести тотчасъ послѣ Христа [1]). Посему присяга знамени, имѣющая значеніе для человѣка, не позволительна для того, кто принялъ божественную присягу (таинство крещенія, sacramentum) и обязался кромѣ Христа не служить никакому другому Господу. Далѣе, почетъ, оказываемый въ войскахъ знаменамъ, не мирится съ христіанскимъ исповѣданіемъ [2]). За-

---

ми жертвами. Иногда погружали руки или оружіе въ жертвенную кровь, а въ основѣ жертвы лежало символическое изображеніе той участи, которой долженъ подвергнуться клятвопреступникъ на равнѣ съ жертвеннымъ животнымъ... Торжественности клятвы часто существенно способствовала главнымъ образомъ святость самаго мѣста... Любкера, 1143 стр.

[1]) Сравни приведенное выше свидѣтельство Іустина Мученика въ его Апологіи (1, 39).

[2]) *Прим.* О знаменахъ въ римскихъ войскахъ извѣстно слѣдующее. Военнымъ знаменемъ, Signum, для цѣлаго легіона (6 тысячъ человѣкъ) сдѣлался орелъ еще со временъ Марія. Различныя части легіона (cohortes и ordines) имѣли для себя особые знаки (signa). Орелъ дѣлался изъ серебра (со временъ Адріана вошли въ моду золотые орлы) съ распростертыми крыльями и былъ носимъ въ сраженіи на высокомъ шестѣ знаменосцемъ. Шестъ былъ снизу заостренъ и втыкался въ лагерѣ въ землю возлѣ преторія (палатки вождя) подъ небольшой кровелькой. Предъ такими военными знаменами (signa) приносилась набраными въ войска присяга, формула которой гласила, что солдатъ долженъ послушно исполнять всѣ приказанія императора, никогда не покидать знамени и идти на смерть за римское государство.—Знамена вмѣстѣ съ алтарями-жертвенниками богамъ ставились на главной дорогѣ лагеря и были предметомъ особеннаго почитанія; они имѣли значеніе больше, чѣмъ всѣ вмѣстѣ боги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Тертулліанъ въ своей апологіи. „Войска ваши благоговѣютъ къ своимъ знаменамъ, клянутся ими, предпочитаютъ ихъ всѣмъ бо-

тѣмъ, анализируя служеніе солдата христіанина въ войскахъ, апологетъ пишетъ. „И можетъ ли онъ (солдатъ-христіанинъ) стоять на часахъ предъ храмами, отъ которыхъ онъ отрекся? Можетъ ли онъ принимать пищу тамъ, гдѣ запретилъ апостолъ (т. е. при языческихъ храмахъ)? Можетъ ли онъ ночью охранять тѣхъ боговъ, которыхъ онъ отринулъ отъ себя днемъ въ святыхъ клятвахъ, опершись на копье, которымъ было прободено ребро Спасителя? Будетъ ли онъ отъ полководца получать военный знакъ послѣ того, какъ таковой онъ уже получилъ отъ Бога?... И какъ много другихъ преступленій открывается при прохожденіи лагерной службы!“

Высшія офицерскія должности, по мнѣнію апологета, должны быть навсегда запрещены христіанамъ. Прежде всего потому, что таковыя связаны съ идолослуженіемъ. Въ большіе праздники, каковыми были напр. дни рожденія императора, войско все собиралось къ святилищу лагеря. Офицеры при этомъ принимали активное участіе въ великихъ священнодѣйствіяхъ культа. Ихъ работой было ставить алтари, воздвигать статуи императора и приносить жертвы. Солдаты при этомъ хотя и обязательно присутствовали, но только какъ зрители, стоя на via principalis лагеря. Затѣмъ, офицерамъ предоставлялось право суда надъ жизнью и смертію. „Можетъ ли, говоритъ поэтому Тертулліанъ, оковы, тюрьмы, пытки и смертное наказаніе опредѣлять другимъ тотъ, который не долженъ самъ мстить за перенесенную неправду?“

Общее положеніе апологета то, что знакъ Христа не мирится съ знакомъ сатаны, лагерь свѣта съ лагеремъ тьмы. Одна душа не можетъ служить двумъ господамъ, Христу и императору. Ужели можетъ быть позволено употреблять мечъ, послѣ того какъ Христосъ сказалъ, что взявшій мечъ мечемъ погибнетъ? Ужели можетъ сынъ мира идти на войну?..

гамъ“ (Апол. I, 16; переводъ рус., 1 часть, 40 стр.); предъ ними приносили жертву предъ выступленіемъ въ походъ и при возвращеніи съ побѣды. —Одинаковое съ культомъ знаменъ въ войскахъ получилъ развитіе культъ императора.

Итакъ, аргументація Тертулліана, по существу, такова. Воинскій вѣнокъ есть идолослуженіе; присяга знамени, требующая любить до смерти императора, есть измѣна Господу; самое прохожденіе военной службы связано съ исполненіемъ языческихъ обязанностей; офицерское же служеніе есть уже чистое идолопоклонство. Отсюда военная служба, какъ лагерь тьмы, не мирится съ лагеремъ свѣта, служеніемъ Христу. Запрещеніе военной службы христіанину, сыну мира, дано въ словахъ Спасителя Петру, что взявшій мечъ мечемъ погибнетъ.

Не подвергая разбору доводовъ Тертулліана, [1]), сдѣлаемъ изъ его разсужденія нѣкоторые выводы, не маловажные для нашей цѣли. 1) Во время Тертулліана, т. е. въ концѣ втораго вѣка многіе христіане служили въ африканскихъ войскахъ [2]); 2) нѣкоторые (и притомъ, можетъ быть, даже многіе) поступали въ военную службу уже послѣ того, какъ стали христіанами; весьма же многіе оставались въ войскахъ, принявши христіанство уже въ солдатскомъ званіи; 3) христіанская церковь въ отношеніи къ такимъ христіанамъ-солдатамъ дозволяла опредѣленныя послабленія, изъятія: они могли дѣлать то, что требовала отъ нихъ военная дисциплина, исполняя приказанія своихъ начальниковъ; во время же мира они могли исполнять всякую службу; это имѣло значеніе простой формы, какъ нѣчто внѣшнее; 4) основаніемъ для этого служили слова, сказанныя

---

[1]) Прим. Противорѣчія, какія указываетъ Тертулліанъ для военной службы въ характерѣ христіанской религіи, какъ религіи мира, и въ словахъ Спасителя ап. Петру относительно меча, безусловнаго значенія не имѣютъ, какъ объ этомъ сказано раньше. Этими положеніями война, какъ крайнее средство защиты правды и добра, ни сколько не отрицается. Противопоставленіе военной службы служенію Христу, какъ двухъ лагерей, свѣта и тьмы, должно быть признано въ значительной степени одностороннимъ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, въ объясненіи того, почему весьма многіе христіане служили въ римскихъ войскахъ.

[2]) Прим. При этомъ выводѣ имѣются въ виду свидѣтельства Тертулліана и о фактической службѣ христіанъ въ войскахъ. Свидѣтельства эти приведены нами ниже, въ III главѣ.

Іоанномъ Крестителемъ приходившимъ къ нему воинамъ; 5) отрицаніе Тертулліаномъ дозволительности служить христіанину въ войскахъ было чѣмъ то новымъ, доселѣ не слыханнымъ. Приэтомъ, если апологету не представлялось труднымъ принципіально доказывать несовмѣстимость службы въ римскихъ войскахъ съ служеніемъ Христу, то наоборотъ было весьма трудно ссылаться на существующіе обычаи и дѣйствительность въ этомъ отношеніи. Его главный аргументъ, что всѣ христіане уже суть солдаты, именно солдаты Христа, имѣетъ только риторическое значеніе, а не дѣйствительное; 6) въ отношеніи къ тѣмъ, которые приняли христіанство уже послѣ того, какъ стали солдатами, Тертулліанъ отступаетъ отъ своего основного требованія; онъ таковымъ христіанамъ-солдатамъ не предлагаетъ дилеммы—или выходить изъ военной службы или умереть мученикомъ,--но открываетъ еще третью возможность—остаться въ военной службѣ, избѣгая идолопоклонства; 7) случай, послужившій для Тертулліана поводомъ къ написанію сочиненія противъ службы христіанъ въ войскахъ въ высшей степени достоинъ вниманія. Солдатъ выражаетъ свой отказъ подчиниться требованіямъ военной дисциплины по поводу только возложенія вѣнка на голову. Развѣ въ лагерной жизни не было сотни другихъ случаевъ и поводовъ заявить раньше о своемъ нежеланіи подчиняться дисциплинѣ языческаго характера? можетъ быть, онъ—солдатъ—былъ новообращеннымъ; можетъ быть, только теперь въ своей совѣсти онъ услышалъ голосъ, требующій не подчиняться военной дисциплинѣ? Принимая во вниманіе послѣдніе отдѣлы сочиненія Тертулліана, дѣло нужно представлять не въ такомъ выгодномъ для солдата свѣтѣ. Нежелавшій надѣть вѣнокъ на голову, а взявшій его въ свою свободную руку солдатъ-христіанинъ этимъ поступкомъ выразилъ требованіе для солдатъ своей христіанской вѣры въ войскахъ такихъ же правъ, какими пользовались въ войскахъ солдаты, почитатели богини Митры. Этимъ послѣднимъ было дозволено особенное отношеніе къ вѣнку. Они на голову свою вѣнка не надѣвали, а несли его въ правой рукѣ. Солдатамъ христіанамъ

такого дозволенія командиры не давали. Поэтому христіане солдаты чувствовали себя ограниченными, стѣсненными въ томъ, что было дозволено дѣлать безнаказанно послѣдователямъ богини Митры. Поступокъ солдата христіанина и нужно признать выраженіемъ окрѣпнувшаго самосознанія христіанъ въ противовѣсъ послѣдователямъ другихъ религій въ войскѣ. Этотъ солдатъ христіанинъ, вѣроятно, даже и не желалъ своимъ поступкомъ заявить, что служеніе Христу несовмѣстимо съ военной службой, а просто желалъ добиться для служащихъ въ войскѣ христіанъ тѣхъ же правъ, какими пользовались почитатели богини Митры [1]); 8) наконецъ, въ рѣчи Тертулліана еще важно то, что каждый христіанинъ по нему есть солдатъ Христа. Въ этомъ нужно видѣть ясное доказательство того, какъ сильно на западѣ было развито сознаніе, что христіанинъ чрезъ крещеніе (sacramentum) становится воиномъ Христа.

Знаменитый учитель александрійской школы половины третьяго вѣка, Оригенъ († 254 г.), во взлядѣ на войну является то-же ригористомъ, подобно Тертулліану. Свой взглялъ Оригенъ вызсказываетъ отрывочно, въ краткихъ положеніяхъ, при опроверженіи сильнѣйшаго врага христіанства изъ языческихъ ученыхъ, Цельса. Послѣдній, желая подорвать довѣріе къ христіанскому обществу, говоритъ, что христіане уклоняются отъ военной службы, отказываются сражаться за отечественные законы, за императора [2]). Отсюда, по мнѣнію Цельса, стоитъ римской имперіи сдѣлаться христіанской и она погибнетъ. Въ виду этого Цельсъ предлагаетъ христіанамъ примкнуть къ римскому государству и проходить военную службу [3]). Оригенъ въ своемъ отвѣтѣ Цельсу исходитъ изъ того положенія, что чрезъ Іисуса, своего руководителя, мы, христіане, стали дѣтьми мира. Поэтому мы, христіане, не поднимаемъ оружія ни противъ какого народа, не учимся искусству воевать. Мы признаемъ

---

[1]) Harnack, 1905 г., 68 стр.

[2]) Origenis, Contra Celsum, III, 7; V, 33; III, 73.

[3]) Ibidem.

для себя обязательнымъ законъ искупленія, а въ отношеніи къ отечественнымъ законамъ остаемся, какъ пришельцы [1]). Взорамъ апологета предносится идеальное христіанское государство на землѣ, въ которомъ военная служба будетъ совершенно ненужной. „Если бы, говоритъ онъ, всѣ римлянѣ приняли христіанскую вѣру, то чрезъ молитву и неотступныя просьбы получили бы побѣду надъ своими врагами, или скорѣе не боролись бы ни съ какими врагами, такъ какъ ихъ охраняла бы божественная сила“ [2]). Когда же всѣ люди станутъ христіанами, тогда и варвары, по слову пророка Исаіи, будутъ склонны къ миру, тогда будетъ господствовать только одинъ Христосъ [3]).

На упрекъ, что христіане не сражаются за императора, Оригенъ отвѣчаетъ Цельсу такъ. Мы, христіане, императору оказываемъ помощь нашимъ духовнымъ вооруженіемъ, чрезъ нашу молитву. Тѣмъ, которые желали бы для общаго блага принудить насъ вести войну и убивать, мы должны напомнить что даже ихъ собственные жрецы не находятся между солдатами, потому что божество должно быть чтимо чистыми руками. Это конечно разумно; но еще болѣе разумно, что въ то время какъ другіе идутъ на войну, мы, какъ жрецы и слуги Бога, сохраняя свои руки чистыми, принимаемъ участіе въ походѣ молитвами—молимся за справедливыя дѣла, за законнаго императора и за его побѣду. Мы для императора исполняемъ еще бо̀льшую службу, чѣмъ воины на полѣ, потому что мы своей молитвой побѣждаемъ демоновъ, возбудителей войны. разрушителей мира. „Нѣтъ никого, кто бы больше сражался за императора, чѣмъ мы. Мы, хотя не выступаемъ съ нимъ въ походъ, даже не пошли бы, еслибъ онъ потребовалъ, но мы сражаемся за него, образуемъ собственное войско, войско благочестія чрезъ наши молитвы къ Богу“ [4]).

Понятно, что главный аргументъ Оригена, что христіане сражаются за императора молитвами, а не оружіемъ, долженъ

---

1) Ibidem., III, 15; V, 33.
2) Ibidem., VIII, 70.
3) Ibidem., VIII, 68.
4) Ibidim., VIII, 73.

быть разсматриваемъ и оцѣниваемъ, какъ искусный пріемъ апологета, а не какъ безусловное отрицаніе всякой войны по христіанскому ученію [1]).

Западный писатель половины третьяго вѣка, Кипріанъ, епископъ карѳагенскій († 258), говоритъ о войнѣ и военной службѣ очень рѣзко. Въ письмѣ къ Донату „О благости Божіей“ Кипріанъ, рисуя внутреннюю перемѣну въ крещенномъ, производимую благодатію Божіею и перечисляя христіанскія добродѣтели, въ противоположность этому, чтобы „яснѣе видѣть слѣды званія Божія“ рисуетъ „отвратительный образъ міра“ съ разбоями на сушѣ и на морѣ, съ постоянной войной, съ ея кровавыми ужасами, съ шумомъ въ городахъ, отвратительностію гладіаторскихъ зрѣлищъ, развратнымъ вліяніемъ театровъ. „Военные лагери, пишетъ онъ здѣсь, наполнены вездѣ кровавыми ужасами. Вселенная обагрена кровію человѣческою; убійство, почитаемое преступленіемъ, когда совершается частными людьми, слыветъ добродѣтелію, когда совершается открыто; злодѣйства освобождаются отъ казней не по закону невинности, но по великости безчеловѣчія“ [2]). Итакъ, ясно, что Кипріанъ убійство человѣка въ языческихъ войнахъ его времени въ римскомъ государствѣ называетъ злодѣйствомъ, преступленіемъ, точно такъ же, какъ называетъ злодѣйствомъ и убійство человѣка на гладіаторскихъ бояхъ [3]).

Другой западный писатель, Лактанцій († 325), въ своихъ Божественныхъ Наставленіяхъ, противопоставляя нравственное поведеніе праведнаго, христіанина, поведенію язычника, не разъ говоритъ о войнѣ и военной службѣ.—Отмѣтивъ взгляды римлянъ на войну, на цѣль ея, Лактанцій въ противовѣсъ этому

---

[1]) Прим. Самъ Оригенъ говоритъ о военной службѣ, какъ о профессіи, достойной уваженія. Origenis, Contra Celsum, VI.

[2]) Творенія Кипріана, еп. Карѳагенскаго. Русскій переводъ, I томъ. 1 Письмо къ Донату, 11 стран.

[3]) „Убиваютъ человѣка въ удовольствіе человѣку: убійство вошло въ обыкновеніе, въ искусство, въ науку; люди не только злодѣйствуютъ, но и обучаютъ злодѣйствамъ. Что можетъ быть безчеловѣчнѣе, жесточе? Учатъ, какъ убивать; и убійцы славны тѣмъ, что убиваютъ“. Ibidem.

характеризуетъ отношеніе къ войнѣ праведнаго. „Зачѣмъ воевать и мѣшаться въ чужія распри тому, кто въ душѣ своей миренъ со всѣми людьми? Какъ ему жадничать торговыхъ прибылей или проливать кровь человѣческую, когда онъ безкорыстенъ, доволенъ тѣмъ, что у него есть, и не только чуждъ всякаго убійства, но считаетъ непозволительнымъ присутствовать и на зрѣлищахъ, гдѣ проливается кровь“ [1]). „Желающіе идти по пути правды, пишетъ апологетъ въ другомъ мѣстѣ, должны всемѣрно остерегаться принимать участіе въ этихъ публичныхъ убійствахъ (гладіаторскихъ бояхъ). Богъ запретилъ намъ убивать кого бы то ни было; запретилъ намъ также не только красть, что не позволено и гражданскими законами, но запретилъ много и такого, что ими позволено. Не позволено доброму человѣку участвовать въ войнѣ, потому что онъ не долженъ знать другой войны кромѣ той, которую добродѣтель его производитъ съ порокомъ. Не позволено ему вчинять уголовную тяжбу, потому что нѣтъ различія между убивающими желѣзомъ и убивающими языкомъ, и что вообще запрещено убивать какимъ бы то ни было образомъ. Стало быть заповѣдь Божія *не убій* не терпитъ никакого исключенія. Никто да не думаетъ, чтобы позволено было душить или губить людей, только что родившихся... Такимъ образомъ, когда человѣкоубійство запрещено, какимъ бы образомъ оно производимо ни было, то не позволяется также и смотрѣть на него, дабы не осквернять совѣсти своей взираніемъ на кровь, проливаемую единственно изъ варварскаго угожденія народу“ [2]).

Итакъ, Кипріанъ и Лактанцій убійство на войнѣ приравниваютъ къ простому убійству и считаютъ поэтому таковое преступленіемъ. Таковой взглядъ на войну у данныхъ лицъ, можетъ быть, нужно считать не безусловнымъ, а условнымъ, понимать

---

[1]) Творенія Лактанція. Божественныя Наставленія. I книга. 18 глава. Переводъ Карнѣева. Сп. 1848 г., 1 часть, 64 стр.

[2]) Ibidem., VI книга, 20 глава, 2 часть, 66 стр.

его въ отношеніи къ характеру только тѣхъ войнъ, современниками и наблюдателями которыхъ они были.

Что же это были за войны у римлянъ, и какъ относились къ нимъ римляне?

Римляне въ противовѣсъ грекамъ презирали искусство атлетовъ, гдѣ оно не могло вредить, но они удивлялись этому искусству, какъ царскому тамъ, гдѣ оно приносило большой вредъ. Храбрыхъ и воинственныхъ людей они перемѣщали на небо. Они вѣрили, что никакой другой путь не ведетъ такъ легко къ звѣздамъ, какъ ведетъ война, состоящая въ томъ, что бы опустошать чужую страну, разорять города, стирать съ лица земли цѣлыя мѣстности, умерщвлять свободныхъ людей или дѣлать ихъ рабами. И чѣмъ больше они дѣлаютъ людей несчастными, грабятъ и убиваютъ, тѣмъ больше они считаютъ себя славными и знаменитыми, и въ такомъ безумномъ пониманіи славы онѣ называли свои преступленія добродѣтелію. Такую именно характеристику постоянныхъ войнъ римскаго языческаго государства даетъ самъ Лактанцій. „Римляне, читаемъ у него [1]), правда не уважаютъ силы атлетовъ и одаренныхъ ею отъ природы считаютъ за людей низкихъ и презрѣнныхъ, хотя впрочемъ вредна она только самимъ гладіаторамъ. Но они преисполнены почтенія и удивленія къ силѣ завоевателей, потому что она тутъ отличается вездѣ мечемъ и огнемъ. Они полагаютъ, что къ достиженію блаженнаго безсмертія, возводящаго въ званіе боговъ, нѣтъ лучшаго и славнѣйшаго средства, какъ предводительствовать войсками, опустошать провинціи, разорять города, ниспровергать престолы, подчинять себѣ цѣлыя націи, проливать на землѣ потоки человѣческой крови. Будучи ослѣплены обманчивымъ блескомъ ложной славы, они приписываютъ великимъ преступленіямъ имя и награду добродѣтели“.

Такія цѣли и такой характеръ войнъ было бы, конечно, странно считать дозволительными для христіанина. И весьма возможно, что апологеты имѣютъ въ виду только такія войны,

---

[1]) Ibidem., I кн., 18 гл., 1 часть, 64 стр.

представляющія собой чистѣйшее зло. Вѣроятнѣе же всего, Кипріана и Лактанція нужно считать такими, по мнѣнію которыхъ христіанство, какъ религія духовная и дѣло личности, совершенно не примѣнима ни къ какой формѣ внѣшней жизни здѣсь на землѣ: государству, суду, войнѣ, политикѣ и пр. [1]).

Другіе христіанскіе писатели до-константиновскаго періода въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не касаются вопроса объ отношеніи христіанъ къ войнѣ и военной службѣ; иные же касаются только издали, мимоходомъ. Въ числѣ послѣднихъ долженъ быть названъ Климентъ александрійскій († 220), учитель знаменитаго Оригена.

Изъ сочиненій Климента александрійскаго видно, что христіанство проникло въ египетскіе легіоны. Однако онъ не выражаетъ никакого неодобренія такому положенію дѣлъ. Въ своемъ сочиненіи „Педагогъ", гдѣ доказывается положеніе, что истинный воспитатель и учитель есть Христосъ, а не греческіе философы, Климентъ сравниваетъ Педагога съ полководцемъ, который заботится о здоровьи своихъ солдатъ. „Какъ полководецъ чрезъ то держитъ армію въ порядкѣ, что заботится о здоровьи солдатъ... подобнымъ образомъ и Педагогъ нашъ, въ любвеобильной своей заботливости о насъ, своихъ дѣтяхъ, учитъ насъ такому образу жизни, который ведетъ ко спасенію" [2]). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о большомъ развитіи въ обществѣ роскоши, Климентъ замѣчаетъ, что „даже солдаты нынѣ желаютъ уже золотыя украшенія носить; неизвѣстны имъ слова поэта: Онъ и въ битвы ходилъ златомъ изукрашенный, какъ глупая дѣвочка" [3]). Христіанскаго солдата онъ спеціально увѣщеваетъ слушаться предводителя, который своимъ лозунгомъ объявляетъ справедливость. „Въ качествѣ воина тебѣ слѣдуетъ пріобрѣтать военныя познанія? Слушайся полководца, который справедливость объя-

---

[1]) Прим. Къ таковымъ, вѣроятнѣе всего, принадлежитъ и Таціанъ, упомянутый выше, а отчасти и Тертулліанъ.

[2]) Педагогъ, I кн., 7 глава. Переводъ Корсунскаго, Ярославль, 1890 г., 53 стр.

[3]) Ibidem., II книга, 12 глава, 236 стр.

вляетъ лозунгомъ“ [1]). Затѣмъ, слѣдуя словамъ Крестителя, увѣщеваетъ солдата довольствоваться своимъ жалованьемъ [2]).

Изъ приведенныхъ мѣстъ Климента, равно какъ и совершеннаго умолчанія очень многихъ церковныхъ писателей объ отношеніи христіанъ къ войнѣ и военной службѣ, конечно, никакого положительнаго вывода сдѣлать нельзя. Позволительно лишь такъ судить. Многіе писатели, проповѣдники истинной нравственности, строгіе обличители пороковъ, соприкасаясь съ христіанами-солдатами (а таковыхъ было очень много, какъ объ этомъ рѣчь будетъ ниже), едва ли бы умолчали, оставили имъ безъ разъясненія несовмѣстимость съ христіанствомъ военной службы. Если же они не говорятъ объ этомъ, подобно тому какъ не сказали ничего объ этомъ ни самъ Спаситель сотнику, ни ап. Петръ сотнику Корнилію, то отсюда позволителенъ выводъ, что эти очень многіе и авторитетные писатели, отцы и учители церкви, признавали военную службу совмѣстимой съ христіанскимъ исповѣданіемъ.

---

3. Отъ сужденій отдѣльныхъ лицъ переходимъ къ канонамъ, т. е. церковнымъ законамъ о военной службѣ. Въ этихъ церковныхъ постановленіяхъ выражены свидѣтельства и взгляды (въ приводимыхъ случаяхъ) отдѣльныхъ христіанскихъ общинъ и частныхъ церквей на военную службу, и притомъ взгляды, имѣвшіе, хотя бы временно, но обязательное значеніе для данной мѣстности.

Прежде всего нужно сказать, что церковныхъ постановленій относительно военной службы христіанъ изъ древнѣйшихъ временъ извѣстно очень мало; притомъ же большинство ихъ причисляется къ апокрифическимъ т. е. подложнымъ произведеніямъ.

---

[1]) Протрептикъ или Увѣщаніе къ Еллинамъ. 10 глава. Переводъ Корсунскаго, Ярославль, 1888 года, 156 стр.

[2]) Ibidem., 12 глава. 351 стр.

Памятникъ, называемый „Завѣщаніе Господа нашего Іисуса Христа“ и извѣстный въ двухъ редакціяхъ (раннѣйшей сирійской и позднѣйшей коптско-арабской) [1]) гласитъ, что солдатъ, если желаетъ креститься, долженъ отказаться отъ военной службы, а уже увѣровавшій (членъ церкви, христіанинъ), равно какъ и оглашенный, не долженъ поступать въ военную службу подъ угрозой отлученія отъ церкви. Основаніемъ отлученія отъ церкви здѣсь выставляется то, что таковой человѣкъ (христіанинъ, поступающій на военную службу) презираетъ Бога. презираетъ вѣру и жертвуетъ (покидаетъ) духовнымъ ради матеріальныхъ выгодъ [2]).—Таковые мотивы отлученія отъ церкви могутъ быть поняты только при Тертуллліановскомъ воззрѣніи, что военная служба въ римскихъ войскахъ равносильна идолопоклонству.

Въ правилахъ египетской церкви извѣстно опредѣленіе, по которому предводитель (начальникъ) войска не долженъ быть принимаемъ безусловно въ число членовъ церкви; простой солдатъ можетъ быть принятъ въ церковь, но подъ условіемъ воздерживаться отъ клятвы (отъ солдатской присяги, sacramentum) и отъ убійства человѣка; если же на эти условія онъ не согласится, то долженъ быть отвергнутъ [3]). Если же оглашенный или вѣрующій желаетъ поступить на военную службу, то таковой долженъ быть отлученъ отъ церкви, потому что онъ презираетъ Бога [4]).—Послѣднее правило тождественно съ правиломъ приведеннаго выше Завѣщанія Господа нашего Іисуса Христа. Что касается перваго опредѣленія, то оно въ безусловномъ недопущеніи въ церковь начальника войска всецѣло отражаетъ на себѣ воззрѣніе Тертулліана, запрещавшаго христіанамъ занимать высшія офицерскія мѣста. При-

---

[1]) Прим. Окончательная редакція этого памятника относится къ пятому вѣку, но отдѣльные параграфы могутъ быть относимы въ своемъ происхожденіи и къ третьему вѣку. Bigetmair, 173 стр., примѣч.

[2]) Ibidem, 172 стр.

[3]) Bigelmair, 172 стр.

[4]) Ibidem.

нятіе въ церковь солдата подъ условіемъ воздержанія отъ клятвы (солдатской присяги) можетъ быть понято съ точки зрѣнія того же Тертулліана, считавшаго солдатскую присягу несовмѣстимой съ клятвой, даваемой христіаниномъ Христу при крещеніи. Однако это условіе, равно какъ и второе—воздерживаться отъ убійства человѣка—мало понятны [1].—

Дальнѣйшія опредѣленія объ отношеніи христіанъ къ военной службѣ находимъ въ канонахъ съ именемъ Ипполита [2]. Тринадцатый канонъ Ипполита гласитъ, что человѣкъ, имѣющій власть назначать смертное наказаніе, или солдатъ никогда не должны быть принимаемы въ церковь. Тѣ же, которые, хотя сражались, какъ солдаты, но воздерживались отъ всякихъ злыхъ рѣчей (ab omni mala loquia) и никакого вѣнка на своей головѣ не носили, могутъ быть выдѣлены, т. е. выдѣлены изъ недопускаемыхъ къ принятію въ церковь, т. е. могутъ быть приняты въ число христіанъ.—Первая часть канона о человѣкѣ, имѣющемъ власть назначать смертное наказаніе, не относится непосредственно къ военной службѣ, исключая тѣ случаи, о которыхъ говоритъ Тертулліанъ, запрещая христіанамъ безусловно занимать высшія офицерскія мѣста. Почему солдатъ не долженъ быть принимаемъ въ церковь, канонъ прямо не говоритъ. Но изъ дальнѣйшихъ словъ о солдатахъ, которыхъ можно принимать въ церковь, открывается, что препятствіемъ къ принятію солдата въ церковь служитъ невоздержаніе отъ всякихъ злыхъ рѣчей и ношеніе на головѣ воинскаго вѣнка; самое же участіе въ сраженіяхъ, а слѣд. и убійство человѣка

---

1) Прим. Трудно допустить, чтобы можно было поступить на службу въ войска, уклонившись отъ принесенія обязательной для всякаго солдатской присяги. Еще менѣе понятно второе условіе—воздерживаться отъ убійства человѣка. Самая война и организація службы на войнѣ дѣлаютъ такое обѣщаніе невыполнимымъ.

2) Примѣч. Окончательная редакція этого памятника, равно и Завѣщанія Господа нашего Іисуса Христа, относится тоже къ пятому вѣку. Отдѣльные же параграфы могли появиться и въ третьемъ вѣкѣ. См. Bigelmair, 172 стр.

на войнѣ таковымъ препятствіемъ уже не считается здѣсь. Первое условіе непринятія въ церковь—невоздержаніе отъ всякихъ злыхъ рѣчей—не ясно [1]; второе условіе—надѣваніе воинскаго вѣнка на голову—отражаетъ вполнѣ Тертуллiановское воззрѣніе на воинскій вѣнокъ, какъ идолопоклоннический знакъ.

Четырнадцатый канонъ того же Ипполита опредѣляетъ, что никакому христіанину не позволительно вступать въ ряды солдатъ кромѣ того случая, когда онъ (христіанинъ) будетъ взятъ рекрутомъ, т. е. недобровольно [2]. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ солдатъ—христіанинъ, хотя и можетъ носить мечъ, но долженъ остерегаться проливать кровь. Если же будетъ извѣстно, что онъ пролилъ кровь, то онъ долженъ быть лишенъ св. причастія до тѣхъ поръ, пока слезы раскаянія не дозволятъ заключить о происшедшей въ немъ перемѣнѣ [3].—Требованія этого канона значительно легче, чѣмъ предъидущаго. Здѣсь допускается, какъ неизбѣжное, отбываніе христіаниномъ военной службы по законамъ государственной жизни; при-этомъ ставится условіе, чтобы солдатъ воздерживался отъ убійства подъ угрозой въ противномъ случаѣ отлученія отъ св. причастія до искренняго раскаянія въ преступленіи [4]. И

---

[1]) Прим. Не ясно, что здѣсь нужно разумѣть подъ зломъ, выражаемымъ словами и очевидно противопоставляемымъ злу дѣломъ во второй части предложенія. Можетъ быть, это относится къ исповѣданію христіанскаго Бога, а можетъ быть касается и отношенія къ ближнему.

[2]) Прим. Римскія войска пополнялись большею частію добровольцами. Только при большой опасности для государства привлекали на службу всѣхъ годныхъ.

[3]) Bigelmair, 173 стр.

[4]) Прим. Это требованіе—отлучать христіанина-солдата за убійство на войнѣ отъ св. Причастія впредь до искренняго раскаянія—имѣетъ для себя аналогію въ правилахъ св. Василія Вел... Послѣдній пишетъ: „Убіеніе на брани отцы наши не вмѣняли за убійство, извиняя, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочестія, но, можетъ быть, добро было бы совѣтовать, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержалися отъ пріобщенія токмо святыхъ Таинъ. (См. Ка-

здѣсь, какъ и раньше, въ правилахъ египетской церкви, непонятнымъ остается требованіе отъ солдата—воздерживаться отъ убійства человѣка. [1])

ноны Василія Вел.; правило 13). Однако, здѣсь есть крупная разница. Св. Василій В. нисколько не отвергаетъ мнѣнія другихъ отцовъ, что убійство на войнѣ съ христіанской точки зрѣнія не признается за обычное убійство человѣка въ мирное время съ преступными цѣлями. Но только онъ проводитъ болѣе строгій взглядъ на тотъ же предметъ, и притомъ взглядъ этотъ выражаетъ не категорически, не безусловно, какъ онъ выражается во многихъ другихъ своихъ правилахъ по разнымъ вопросамъ, а въ качествѣ добраго совѣта съ точки зрѣнія христіанской нравственности. И при этомъ солдаты за убійство на войнѣ по степени эпитиміи приравниваются имъ къ невольнымъ убійцамъ.

[1]) Прим. Кромѣ приведенныхъ каноновъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ церквамъ и лицамъ, нужно упомянуть о двухъ соборныхъ канонахъ, трактующихъ о военной службѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ помѣстному арлесскому собору (314 г.), а другой первому вселенскому, никейскому (325 г.).

Третій канонъ арлесскаго собора опредѣляетъ: тѣ, которые употребляютъ оружіе во время мира, должны воздерживаться отъ церковнаго общенія (См. книгу Правилъ). Опредѣленіе это толковали различно (иногда какъ отлученіе за отказъ служить въ арміи; см. Таубе, 43 стр. прим.). Правильное же пониманіе его таково, что здѣсь отлученіе отъ церкви должно быть относимо къ гладіаторамъ, которые въ амфитеатрахъ, увеселяя публику своимъ искусствомъ борьбы мечами, часто лишали другъ друга жизни. (Bigelmair, 182 стр.). Такимъ образомъ по существу этотъ канонъ прямого отношенія къ военной службѣ не имѣетъ. Но по заключенію въ формальномъ отношеніи онъ имѣетъ большое значеніе. Если употреблять оружіе во время мира воспрещается подъ угрозой отлученія, то тѣмъ самымъ уже сказано, что употреблять оружіе на войнѣ дозволяется.

Двѣнадцатый канонъ никейскаго вселенскаго собора читается такъ: „Благодатію призванные къ исповѣданію вѣры и первый порывъ ревности явившіе и отложившіе воинскіе поясы, но потомъ аки псы на свою блевотину возвратившіеся, такъ что нѣкоторые и сребро употребляли, и посредствомъ даровъ достигли возстановленія въ воинскій чинъ: таковые десять лѣтъ да припадаютъ къ церкви, прося прощенія, по трелѣтнемъ времени слушанія писаній въ притворѣ“ (Книга Правилъ). Противники военной службы съ христіанской точки зрѣнія вы-

Изъ приведенныхъ церковныхъ правилъ можно сдѣлать такое заключеніе. По древнимъ канонамъ, притомъ далеко не авторитетнымъ (апокрифическимъ), требовалось отъ вступающихъ въ церковь солдатъ отказаться отъ военной службы, а вступившимъ въ церковь членамъ запрещалось поступать

пукло подчеркиваютъ этотъ вселенскій канонъ, какъ ясно будто бы устанавливающій несовмѣстимость военной службы съ христіанскимъ исповѣданіемъ. Они даютъ ему такое толкованіе, что язычники, находившіеся въ войскахъ при обращеніи въ христіанство, но пожелавшіе оставить военную службу послѣ крещенія, ни въ какомъ случаѣ не должны были снова поступать въ ряды войскъ (Таубе, 43 стр.). Но таковое пониманіе приведеннаго канона ни въ какомъ случаѣ нельзя считать правильнымъ. Прежде всего здѣсь рѣчь идетъ не о всѣхъ солдатахъ, а только о тѣхъ, которые свое званіе оставили ради христіанскаго исповѣданія, показали стремленіе къ мученичеству; ихъ и называетъ правило „призванными божественною благодатію", такъ какъ ею они возбуждены были къ объявленію исповѣданія вѣры. Затѣмъ, таковые оставили свой начатый подвигъ и опять возвратились въ свое прежнее воинское званіе и пріобрѣтали его серебромъ и подарками, то есть сначала противились нечестію, но потомъ уступили нечестію, изъявили готовность мыслить вмѣстѣ съ нечестивыми, послѣдовали невѣрнымъ гонителямъ (Толкованіе Зоноры, Аристина и Вальсамона. См. Правила святыхъ вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Москва. 1877 года, 1 часть 44—46 стр.). Значитъ, этотъ канонъ говоритъ объ измѣнникахъ христіанской вѣрѣ, о падшихъ солдатахъ; таковыми канонъ, очевидно, называетъ такихъ солдатъ, которые служили въ войскахъ Ликинія. Когда Ликиній очищалъ войска отъ христіанъ, нѣкоторые солдаты христіане сложили съ себя воинскіе поясы, отказались отъ военной службы тогда (на что указываетъ выраженіе „первый порывъ ревности явившіе") съ очевиднымъ опасеніемъ потерпѣть за свое христіанское исповѣданіе. Потомъ эти же самые солдаты добровольно, даже при помощи подарковъ, снова вступили въ войско Ликинія. А войско это фактически было языческимъ, набиралось для борьбы съ Константиномъ В., а вмѣстѣ и съ христіанской вѣрой. Значитъ, таковые солдаты, снова вступая въ войско Ликинія, тѣмъ самымъ фактически отрекались отъ христіанской вѣры, снова возвращались въ язычество, или по выраженію правила на основаніи словъ апостола, въ свою блевотину. Что 12 канонъ нужно понимать именно относительно солдатъ, всту-

на военную службу; если же христіанинъ поступалъ на военную службу, долженъ былъ дать обѣщаніе воздерживаться отъ убійства, клятвы, злыхъ рѣчей и ношенія вѣнка на головѣ, подъ угрозой отлученія отъ церкви. По канонамъ же Ипполита за убійство на войнѣ требовалось лишь наложеніе эпитиміи. Значитъ, нѣтъ основаній утверждать, что церковными правилами и притомъ авторитетными въ древности ясно и опредѣленно воспрещалась христіанамъ военная служба по несовмѣстимости ея съ христіанскимъ ученіемъ. Ничего такого нѣтъ въ правилахъ, если несчитать неяснаго требованія отъ вступающаго въ военную службу—не убивать. Военная служба запрещалась главнымъ образомъ по мотивамъ приравниванія условій этой службы въ древности къ идолослуженію.

Итакъ, военная служба для христіанъ въ языческой римской имперіи въ до-константиновскую эпоху нѣкоторыми писателями, представителями христіанства, и церковными правилами не одобрялась. Препятствія при этомъ коротко сводились къ слѣдующему: 1) Христіанская религія (этика) своимъ характеромъ отвергала всякое насиліе, всякую месть; значитъ, косвенно запрещала войну, пролитіе крови. 2) Офицеры при извѣстныхъ обстоятельствахъ должны были произносить смертный приговоръ). 3) Солдатская присяга (sacramentum) была противорѣчіемъ безусловной обязанности христіанина въ отношеніи къ Богу, обязанности, даваемой клятвенно при крещеніи (sacramentum). 4) Культъ императора нигдѣ такъ сильно не являлся, какъ въ войскѣ, и былъ почти неизбѣжнымъ для каждаго солдата. 5) Офицеры сами должны были приносить жертвы богамъ и всѣ солдаты должны были присутствовать при этомъ. 6) Военныя знамена въ войскахъ были святыней; почитаніе ихъ было равносильнымъ служенію богамъ; равнымъ образомъ по-

---

павшихъ въ войска Ликинія, показываетъ тѣсная и ясная связь его съ предъидущимъ 11-мъ канономъ, въ которомъ идетъ рѣчь о тираннѣ Ликиніѣ. (Harnack, 1902 г., 395 стр.).—Значитъ, изъ этого никейскаго канона ни въ какомъ случаѣ нельзя дѣлать вывода о недозволительности военной службы для христіанъ.

четные воинскіе знаки (вѣнки) имѣли языческій характеръ. 7) Поведеніе солдатъ даже въ мирное время противорѣчило христіанской нравственности [1]). 8) Такой же характеръ носили традиціонныя игры и шутки въ войскахъ, напр. мимъ [2]). Такимъ образомъ военная служба для христіанъ считалась недозволительной нѣкоторыми писателями главнымъ образомъ въ зависимости отъ языческой организаціи лагерной жизни, и только отчасти по принципіальнымъ основаніямъ съ христіанской точки зрѣнія.

ГЛАВА III.

Теперь разсмотримъ фактическое отношеніе христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ къ военной службѣ; отмѣтимъ: 1) гдѣ и въ какомъ количествѣ, по свидѣтельству исторіи, были христіане въ войскахъ римской имперіи; 2) почему нѣкоторые христіане оставляли военную службу; 3) за что и почему замучены (умерли мучениками) многіе воины христіане и 4) наконецъ, справедливо ли, что немногія отдѣльныя лица изъ христіанъ пострадали только, исключительно за отказъ отъ военной службы?

---

[1]) Прим. Римское войско составлялось больше изъ грубыхъ и склонныхъ къ насилію варваровъ. Да и сами римляне временъ имперіи при общемъ упадкѣ религіи и нравственности въ своей порочности даже превосходили варваровъ. Маркъ Аврелій, императоръ философъ, въ своемъ Размышленіи ставилъ разбойника и солдата на одну ступень (Начпаск. 1905 г., 69 стр.). По свидѣтельству Тертулліана (Къ проконсулу Скапулѣ, V глава) безстыдство, насиліе и грабительство солдатъ были безграничны. А Евсевій въ своей Церковной Исторіи ставитъ въ упрекъ Максимину Дазѣ, правителю востока времени Діоклетіана, что онъ „войску далъ волю утопать во всякомъ сладострастіи и развратѣ, (областныхъ правителей и) военачальниковъ поощрялъ разорять поданныхъ хищеніемъ и любостяжаніемъ“ (Цер. Исторія. VII книга XIV тл. 502 стр.).

[2]) „Такъ какъ мимъ собственно разсчитывалъ разсмѣшить зрителей, то грубые фарсы и пошлости составляли главную часть этихъ представленій“ См. Любкера, 651 стр.

1. Воззрѣнія ригористовъ, недозволявшихъ христіанамъ служить въ войскахъ языческой римской имперіи, большаго успѣха не имѣли. Жизненная практика неопровержимо говоритъ за то, что христіане первыхъ трехъ вѣковъ служили въ войскахъ римской имперіи и не въ маломъ количествѣ. При этомъ военную службу въ громадномъ большинствѣ случаевъ избирали добровольно [1]); значитъ, христіане проходили военную службу, несмотря на широкую возможность уклониться отъ этого.

Приведемъ свидѣтельства исторіи объ этомъ

Апологетъ Тертулліанъ пишетъ. „Мы существуемъ, такъ сказать, со вчерашняго дня, и уже наполняемъ все: ваши города, острова, замки, пригороды, совѣты, *лагери*, трибы, декуріи, дворъ, сенатъ, форумъ: предоставляемъ вамъ одни только ваши храмы“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ той же апологіи, опровергая упрекъ язычниковъ, что христіане безполезны для общественной жизни, онъ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ, что христіане проходятъ военную службу. „Мы пишетъ онъ, не уподобляемся Индѣйскимъ Брахманамъ и Гимнософистамъ, не обитаемъ въ лѣсахъ, не бѣгаемъ людей.... Мы съ вами плаваемъ по рѣкамъ и морямъ, *носимъ оружіе*, обработываемъ землю, торгуемъ“ [3]). По свидѣтельству исторіи, христіане-солдаты дѣйствительно были во многихъ легіонахъ, разсѣянныхъ по обширной римской имперіи. Уже во времена Тертулліана христіане были въ войскахъ

---

[1]) Прим. Это обусловливалось порядкомъ набора римскаго войска. По существу этотъ порядокъ былъ порядкомъ вербовки добровольцевъ, волонтеровъ. Эта система упрочилась со времени Марія (въ I вѣкѣ до Р. Хр.) и вполнѣ обезпечивала пополненіе войска новыми солдатами. Волонтеровъ всегда было достаточное количество, такъ какъ военная плата, предстоящая военная добыча и лагерная жизнь прельщали весьма многихъ, а число войска сравнительно съ числомъ населенія римской имперіи всегда было не велико. Даже въ случаяхъ всеобщаго вооруженія рекрутъ могъ ставить за себя подставнаго. Такъ было въ эпоху до Константина Вел. См. Bigelmair, 176 стр.

[2]) Творенія Тертулліана, Апологія, 37 гл., 1 часть, 77 стр.

[3]) Ibidem, 42 глава, 87—88 стр.

отдаленной отъ Рима Британіи, причемъ и самое занесеніе христіанства въ эту военную провинцію приписывается солдатамъ на томъ основаніи, что главные пункты распространенія христіанства совпадаютъ большею частію съ мѣстами стоянки римскихъ легіоновъ [1]). Хорошо извѣстно, что христіане-солдаты были въ легіонахъ Мелитины [2]) и Ломбардіи [3]). Извѣстно, что въ Александріи солдатъ, который, ведя на казнь Потаміену (при Септиміи Северѣ), разгонялъ ея поносителей и оказывалъ мученицѣ живое сочувствіе, самъ принадлежалъ къ христіанству, хотя еще и не получилъ крещенія [4]). Подобный случай имѣлъ мѣсто также въ Александріи, въ гоненіе Декія Траяна, въ половинѣ третьяго вѣка. Солдатъ Висъ оберегалъ осужденныхъ христіанъ отъ издѣвательства черни, подобно Василиду. и тоже былъ обезглавленъ. Когда два исповѣдника—Кроніонъ и Юліанъ, разсказываетъ Евсевій, были ведены на казнь, „то приставленный къ нимъ воинъ хотѣлъ было защитить ихъ отъ оскорбителей; но народъ началъ кричать на него самого,—и мужественнѣйшаго поборника Виса, сколь ни похвальна была великая борьба его за благочестіе, отвели на мѣсто казни и отсѣкли ему голову“ [5]). Еще важнѣе происшествіе сообщаетъ изъ того же гоненія Діонисій Александрійскій. Происшествіе имѣло мѣсто тоже въ Александріи, главномъ городѣ Египта. Предъ судилищемъ проконсула, производившаго по требованію императорскаго эдикта допросъ о принадлежности къ отечественной религіи, стоялъ христіанинъ. Здѣсь же, предъ судилищемъ, стоялъ вызванный для поддержанія порядка отрядъ солдатъ (малый отрядъ, охрана, нарядъ): Аммоній, Зенонъ, Птоломей, Игенисъ, и съ ними старецъ Ѳеофилъ. Когда, пишетъ Евсевій,

---

[1]) Harnack, 1902 г., 394 стр.

[2]) Прим. Область Мелитины сперва была частію Каппадокіи въ Малой Азіи, а потомъ была присоединена къ Арменіи. Теперь это Малатія, городъ въ Арменіи.

[3]) Harnack, 1902 г., 391 стр.

[4]) Евсевія, Церковная Исторія, VI книга, 5 глав., 330 стр.

[5]) Ibidem., VI книга, 381 стр.

допрашиваемый, какъ христіанинъ. „уже склонялся къ отрицанію вѣры, эти воины, стоя тутъ же, скрежетали зубами, давали знаки взглядами, простирали руки, двигались тѣломъ—и какъ скоро всѣ обратили на нихъ вниманіе—они, не дожидаясь, пока ихъ возьмутъ другіе, сами поспѣшно побѣжали къ судейскому сѣдалишу и исповѣдали себя христіанами“ [1]). Слѣдовательно, вся (малая) команда, вызванная поддерживать порядокъ при допросѣ христіанъ, состояла изъ христіанъ, или ихъ друзей. А такъ какъ солдаты для поддержанія порядка при судебномъ допросѣ были выбраны изъ христіанъ, конечно, не намѣренно, то этотъ случай свидѣтельствуетъ, насколько значительно было распространено христіанство въ войскахъ Александріи въ половинѣ третьяго вѣка.

Въ слѣдующее, валеріановское гоненіе, между многими, пострадавшими въ Египтѣ, по свидѣтельству того же Діонисія Александрійскаго, были солдаты. „Перечислять нашихъ поименно было бы лишне. Знайте, что мужчины и женщены... *воины* и поселяне... получили вѣнцы, какъ побѣдители“ [2]).

О распространеніи христіанства въ войскахъ западной Африки въ половинѣ третьяго вѣка, т. е. во времена Кипріана, свидѣтельствуетъ письмо самого Кипріана. По поводу принятія въ клиръ карѳагенской общины извѣстнаго исповѣдника Целерина Кипріанъ пишетъ: „Бабка его, Целерина, уже давно украшена мученическимъ вѣнцомъ; дяди его по отцу и по матери—Лаврентій и Игнатій—нѣкогда по званію мірскіе *воины*, но истинные и духовные воины Божіи, низложивъ діавола исповѣданіемъ Христа, славнымъ страданіемъ заслужили отъ Господа пальмы и вѣнцы“ [3]). Здѣсь дана цѣлая династія мучениковъ: бабка, дяди и внукъ. Целеринъ, очевидно, происходилъ и съ

[1]) Ibldem., 383 стр.

[2]) Ibidem., VII книга, 11 глава, 416 стр.

[3]) 31. Письмо къ клиру и народу о посвященіи въ чтецы Целерина. Русскій переводъ 114 стр.

отцовской и съ материнской стороны изъ лагеря, изъ военнаго круга [1]).

Послѣ валеріановскаго гоненія въ правленіе Галліена (около 260 года), слѣдовательно въ эпоху мира для христіанъ, заслуживаетъ вниманія слѣдующее происшествіе, разсказанное Евсевіемъ историкомъ. Въ Кесаріи палестинской одинъ изъ почетнѣйшихъ офицеровъ, по имени Маринъ, долженъ былъ получить высшее мѣсто въ силу своего старшинства. Но тутъ выступилъ соискателемъ того же мѣста другой офицеръ, имѣющій право на это мѣсто уже послѣ Марина. Онъ подалъ жалобу въ судъ, утверждая, что по древнимъ законамъ Маринъ не можетъ занимать никакой римской должности, такъ какъ онъ христіанинъ, а потому и не приноситъ жертвы императору. Посему мѣсто должно быть предоставлено ему, жалобщику. Тогда судья спросилъ Марина объ образѣ его мыслей и, видя, что онъ съ твердостію исповѣдуетъ себя христіаниномъ, далъ ему три часа на размышленіе. Когда послѣ этого Маринъ вышелъ изъ судилища, къ нему приблизился тамошній епископъ Ѳеотокенъ, увлекъ его своею бесѣдою и, взявъ за руку, ввелъ въ церковь. Тамъ, поставивъ его предъ алтаремъ, потомъ откинувъ нѣсколько его плащъ и одною рукою указывая на висѣшій у него мечъ, а другою на Евангеліе, предложилъ ему выбрать что нибудь изъ двухъ. Маринъ, ни мало не думая, простеръ правую руку и взялъ божественное Писаніе. Епископъ Ѳеотокенъ сказалъ тогда ему: „держись же Бога, держись, и—укрѣпляемый имъ получишь, что избралъ. Иди съ миромъ". Маринъ немедленно возвратился изъ церкви, а между тѣмъ глашатай кричалъ и призывалъ его въ судилище, потому—что данный срокъ уже минулъ. Предъ судьей Маринъ повторилъ свое исповѣданіе и быдъ отведенъ на смерть [2]).

---

[1]) Прим. Тертулліанъ тоже, какъ извѣстно, былъ сынъ Subaltern (младшій чинъ) офицера. См. Harnack, 1905 г., 76 стр.

[2]) Евсевія, Церковная Исторія, VII книга, 15 глава, 421—422 стр.

Данный расказъ Евсевія показываетъ, что офицеръ-христіанинъ могъ оставаться въ римскомъ войскѣ доселѣ неприкосновеннымъ. Несомнѣнно, что начальники Марина такъ же хорошо знали о принадлежности его къ христіанскому исповѣданію, какъ и его жалобщикъ, конкуррентъ; знали они, конечно, и о томъ, что Маринъ не приноситъ жертвы императору. Они закрывали на это глаза и даже хотѣли произвести его въ высшій офицерскій чинъ. Но разъ была подана формальная жалоба, никто уже не могъ больше Марина защищать; противъ него былъ законъ. Такъ было даже во время мира.

Въ діоклетіановскую эпоху римское правительство обращаетъ уже серьезное вниманіе на христіанъ въ войскахъ. Преслѣдованіе и началось, какъ очищеніе *войска* отъ христіанскаго элемента. „Судъ Божій, говоритъ Евсевій, попустилъ гоненіе сперва на братій, находящихся въ войскѣ [1]). Правительство думало, замѣчаетъ при этомъ Евсевій, воздвигая не вдругъ противъ насъ брань, но искушая только тѣхъ, которые находились въ войскѣ“, что если оно принудитъ къ уступчивости солдатъ, то можетъ легко и всѣхъ остальныхъ въ имперіи христіанъ склонить къ язычеству [2]).—Здѣсь мы имѣемъ важное свидѣтельство не только объ одномъ большомъ количествѣ христіанъ въ войскахъ, но и о силѣ и значеніи христіанства въ войскахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда же можемъ выводить то важное заключеніе, что для таковыхъ многочисленныхъ христіанъ, служащихъ въ войскахъ, ихъ военная служба со стороны церкви не встрѣчала неодобренія, не была порицаема.

О томъ же гоненіи еще подробнѣе говоритъ Лактанцій въ своемъ сочиненіи: „О смерти гонителей“ [3]). Галерій, кесарь Діоклетіана, задался цѣлію очистить войско отъ христіанскаго

---

[1]) Ibtdem., VIII кн., 1 глава, 469 стр.

[2]) Ididem., VIII кн., 4 глава, 474 стр.

[3]) Творенія Лактанція, русс. переводъ. Сп. 1848 года. 2 часть 10 глава, 162—207 стр.

элемента. При этомъ воспользовался для изданія закона слѣдующимъ поводомъ. Императоръ часто приносилъ жертвы, желая по внутренностямъ животныхъ узнать будущее (гаруспиціи). Когда же эти гаруспиціи въ войскѣ не давали благопріятныхъ предзнаменованій, когда жрецы во внутренностяхъ животныхъ, сколько они ихъ не закалали, не находили обыкновенныхъ признаковъ гаданія, тогда одинъ изъ Авгуровъ объявилъ, что небо потому глухо къ ихъ мольбамъ, что при жертвоприношеніяхъ присутствуютъ христіане. Тогда „Діоклетіанъ, разгнѣвавшись повелѣлъ не только присутствовавшимъ, но и всѣмъ находившимся въ его чертогахъ, немедленно принести богамъ жертвы, а кто отъ того откажется, тѣхъ наказать жестоко. Онъ даже отписалъ къ вождямъ армій своихъ, и приказалъ принуждать къ тому всѣхъ солдатъ, подъ опасеніемъ исключенія изъ службы“ [1]).—Заслуживаетъ здѣсь вниманія то, что Лактанцій не отрицаетъ, что при жертвоприношеніяхъ присутствовали военачальники, исповѣдающіе христіанскую вѣру, но прибавляетъ, что они дѣйствительно разрушали самое жертвоприношеніе, именно, они дѣлали крестное знаменіе, отъ чего демоны убѣгали и церемоніи были возмущаемы [2]). Значитъ, офицеры изъ христіанъ участвовали, какъ того требовалъ законъ, въ языческихъ жертвоприношеніяхъ, защищая только себя отъ демоновъ крестнымъ знаменіемъ. И, очевидно, они поступали такъ не только теперь, но и значительное время раньше. Ясно, въ такомъ случаѣ, при какомъ необременительномъ условіи могъ христіанскій солдатъ исполнять въ войскѣ даже чисто языческія обязанности. Къ такому фактическому компромиссу христіанскія общины относились, очевидно, снисходительно, давая по меньшей мѣрѣ свое молчаливое согласіе, какъ объ этомъ можно судить по разсказу Лактанція.

---

[1]) Ididem., 166 стр.
[2]) Ibidem., 116 стр.

Это молчаливое согласіе было прервано требованіемъ императора, по настоянію Галерія, что бы всѣ офицеры и простые солдаты непремѣнно сами приносили жертвы, а въ случаѣ отказа должны быть удаляемы изъ войска. Но такое требованіе встрѣчено было въ войскѣ большимъ ропотомъ; въ войскахъ Мелитины и Сиріи поднялось даже возмущеніе: такъ уже многочисленны были христіане въ римскихъ легіонахъ, особенно на востокѣ.

Преемникъ галерія, Ликиній, въ своей послѣдней попыткѣ возстать противъ Константина Великаго точно также прежде всего приказалъ очистить войско отъ христіанъ. „Во первыхъ, говоритъ Евсевій, онъ (Ликиній) удалилъ изъ своего дворца всѣхъ христіанъ...; потомъ приказалъ исключить изъ службы и лишить достоинствъ всѣхъ бывшихъ по городамъ ***воиновъ***, если они не захотятъ приносить жертвы демонамъ“ 1).

Такъ въ діоклетіановскую эпоху началась всюду и весьма рѣзко борьба съ христіанами въ войскахъ. Она, веденная цѣлое десятилѣтіе (весьма сильно на востокѣ и слабѣе на западѣ), до Миланскаго эдикта, перешла въ преслѣдованіе со стороны языческаго правительства всей церкви, всѣхъ христіанъ. Это послѣднее, жесточайшее гоненіе, эта послѣдняя усиленная борьба, веденная язычниками съ христіанами за всемірно-историческую перемѣну, началась и обострилась именно вопросомъ о томъ, останется ли войско вѣрнымъ своимъ религіознымъ языческимъ традиціямъ, или же чрезъ быстро усиливающійся христіанскій элементъ оно, войско, должно будетъ отказаться отъ прежнихъ традицій. Отказъ же войска отъ религіозныхъ традицій, по убѣжденію язычниковъ, грозилъ паденіемъ имперіи, самое могущество и цѣлость которой обусловливались соблюденіемъ поданными отечественной религіи. По такой связи вопросъ о войскѣ и вызвалъ у правительства другой вопросъ, не должно ли сдѣлать еще одну попытку разрушить все усиливающуюся и крѣпнувшую въ своей организаціи христіанскую

---

1) Евсевія, Цер., Ист., X книга, 8 глава, 590 стр.

церковь. Діоклетіановское преслѣдованіе и было отвѣтомъ на эти вопросы.

Такое происхожденіе и самый характеръ послѣдняго гоненія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что христіанъ въ войскахъ римской имперіи въ началѣ четвертаго вѣка было много. Точно такое же значеніе имѣетъ и тотъ знаменательный фактъ въ дѣлѣ побѣды христіанства надъ язычествомъ, что открытая вѣротерпимость и предпочтеніе христіанской религіи предъ язычествомъ началось въ дѣятельности Константина В. тѣмъ, что онъ приказалъ предъ битвой съ Максенціемъ сдѣлать на солдатскихъ знаменахъ изображеніе креста. Это могло имѣть мѣсто при условіи, что христіанъ въ его арміи было значительное количество.

Наконецъ, о службѣ христіанъ, въ войскахъ римской имперіи и притомъ въ весьма значительномъ количествѣ свидѣтельствуютъ два преданія, разсказы о двухъ легіонахъ [1]). По первому разсказу событіе относится ко времени Марка Аврелія, а по второму ко времени Діоклетіана.

При Маркѣ Авреліи спасеніе римскихъ войскъ отъ смертельной жажды во время войны съ Германцами и Сарматами приписывалось молитвамъ христіанскихъ солдатъ, принадлежавшихъ къ Мелитинскому [2]) легіону. Фактъ происшествія подтверждается нѣсколькими свидѣтелями. Прежде всего объ этомъ говоритъ Тертулліанъ. Выставляя положеніе, что никакой добрый государь не преслѣдовалъ христіанъ, онъ въ доказательство ссылается на Марка Аврелія, который, выступивъ защитниковъ христіанъ „свидѣтельствовалъ въ одномъ письмѣ, что жестокая жажда, томившая воиновъ его въ Германіи, утолена была дождемъ, испрошенныхъ отъ неба молитвами христіан-

---

[1]) Прим. Легіонъ—названіе части римской арміи, числомъ до 6000 солдатъ. См. Любкера, 562 стр.

[2]) Прим. Область Мелитина, какъ раньше было сказано, сперва была частью Каппадокіи въ Малой Азіи, а потомъ присоединена къ Арменіи. Теперь это Малатія, городъ въ Арменіи.

скихъ воиновъ“ [1]). Дальнѣйшее свидѣтельство о томъ же происшествіи принадлежитъ историку Евсевію. Онъ разсказываетъ, что „Маркъ Аврелій, готовясь вступить въ сраженіе съ Германцами и Сарматами, тогда какъ его войско истаевало отъ жажды, находился въ крайнемъ затрудненіи. Но воины такъ называемаго мелитинскаго легіона, который за вѣру существуетъ съ того времени до нынѣ, стоя предъ непріятелемъ въ строю, преклонили колѣна на землю, что обыкновенно дѣлаемъ мы во время молитвы, и обратились къ Богу съ прошеніемъ. Сколь ни дивнымъ показалось непріятелю такое зрѣлище, но за нимъ тотчасъ, говорятъ, послѣдовало еще болѣе удивительное. Это молнія, обратившая въ бѣгство и истребившая враговъ, и дождь, испрошенный силою молитвы къ Богу и оживившій войско, которое едва не погибло отъ жажды“ [2]). Третій свидѣтель объ этомъ происшествіи—Аполинарій—говоритъ, что „легіонъ своею молитвою сотворившій это чудо, получилъ отъ царя сообразное съ симъ происшествіемъ наименованіе, т. е. на языкѣ римскомъ названъ громоноснымъ“ [3]). Если нѣкоторые изслѣдователи и оспариваютъ положеніе, что легіонъ, существовавшій съ такимъ именемъ въ римской имперіи со времени Августа, могъ состоять только изъ христіанъ [4]), то

---

[1]) Творенія Тертулліана, Апологія, 5 глава; 1 часть, 15 стр.

[2]) Евсевія, Церк. Ист., V кн. 5 гл., 271 – 272 стр.

[3]) Ibidem., 273 стр. *Прим.* Заслуживаетъ вниманія, что христіанскіе писатели, свидѣтельствующіе объ этомъ происшествіи, не только не порицали солдатъ, призывающихъ на помощь Бога во время опасности въ походѣ, но даже радовались, что Богъ поспѣшилъ на помощь не только этимъ солдатамъ-христіанамъ, но и вообще римскому войску, состоявшему преимущественно изъ язычниковъ; вполнѣ вѣрили этому и хвалились этимъ; тогда какъ писатели ригористы, напр. Тертулліанъ, должны были бы не хвалить и радоваться этому, а скорѣе желать, что бы Богъ уничтожилъ все войско и чрезъ то показалъ, что Онъ войны не терпитъ.

[4]) Прим. Евсевій склоненъ принимать мелитинскій легіонъ почти всецѣло за христіанскій. См. Церк. Ист., V кн., 5 глава, 272 стр.

съ другой стороны признается безспорнымъ, что этотъ легіонъ состоялъ главнымъ образомъ, преимущественно, изъ солдатъ христіанъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ легіонъ набирался [1]), было весьма много христіанъ. Именно, этотъ 12-й легіонъ, имѣвшій мѣстомъ стоянки Мелитину, набирался главнымъ образомъ изъ областей по верхнему теченію Ефрата, въ которыхъ лежала Эдесса, и которыя образовали центръ христіанства во второмъ столѣтіи [2]).

Другой разсказъ содержитъ преданіе о такъ называемомъ Ѳиваидскомъ легіонѣ. Происшествіе пріурочивается къ нынѣшней Швейцаріи и связывается съ именемъ Максиміана, сопрвителя Діоклетіана. Максиміанъ, правившій западной половиной римской имперіи, задался цѣлію истребить христіанъ, предавая ихъ пыткамъ и смерти. Въ его войскѣ находился легіонъ, называвшійся Ѳиваидскимъ. Легіонъ этотъ посланъ былъ съ востока на западъ въ распоряженіе Максиміана императоромъ Діоклетіаномъ. Въ составѣ этого легіона были мужи славные храбростію, но еще болѣе славные ревностію по вѣрѣ. Они, и подъ оружіемъ находясь, не забывали воздавать Божіе Богови. Вотъ такимъ-то воинамъ и дано было приказаніе истреблять на западѣ христіанъ. Они отказались отъ исполненія такой жестокой службы и объяснили, что такому приказанію повиноваться не будутъ. Максиміанъ, бывшій недалеко отъ лагерной стоянки этого легіона, самъ поспѣшилъ на мѣсто происшествія—въ Октодуръ (Octodurum) [3]). Когда и здѣсь снова услышалъ отказъ подчиниться своему распоряженію, тогда приказалъ подвергнуть непослушныхъ децимаціи, т. е. одного изъ каждыхъ десяти, по

---

1) Прим. Легіоны носили названіе по мѣсту вербовки солдатъ и по мѣсту стоянки.

2) См. Harnack, 1905 г., 57 стр.

3) Октодуръ—городъ въ странѣ гельветовъ, въ Валисскомъ кантонѣ. См. Любкера, 707 стр. По Bigelmair, 195 стр.,—Октодуръ въ 60 миляхъ отъ Женевы и въ 14 миляхъ отъ конца женевскаго озера, въ aguan—скомъ проходѣ.

жребію, предать смертной казни [1]). Остальнымъ вновь было приказано приступить къ истребленію христіанъ. Тогда по лагерю раздался громкій ропотъ, что они (солдаты-христіане) никогда не будутъ исполнять такой нечестивой службы; они почитаютъ Единаго Бога и лучше желаютъ умереть, чѣмъ сдѣлать что либо противъ христіанской вѣры. Раздраженный императоръ приказалъ повторить децимацію. Но это только больше побуждало оставшихся еще живыми слѣдовать своимъ товарищамъ, которые уже взошли на небо. Они сказали императору: Императоръ, мы твои солдаты, но мы также объявляемъ открыто, что мы въ тоже время слуги Бога. Тебѣ мы обязаны военной службой, а Богу отпущеніемъ грѣховъ. Отъ тебя мы получаемъ жалованье за нашу работу, а Тому мы обязаны началомъ нашей жизни. Если насъ не будутъ принуждать къ такому безбожному дѣлу, оскорбляющему нашего Бога, то мы будемъ тебѣ послушны, какъ это дѣлали доселѣ; но если да, то мы должны болѣе повиноваться Богу, чѣмъ тебѣ. Смотри, мы имѣемъ въ рукахъ оружіе, но мы не оказываемъ никакого сопротивленія; лучше мы желаемъ сами быть убитыми, чѣмъ убивать; лучше умереть невинно, чѣмъ жить запятнаннымъ преступленіемъ. Мы исповѣдуемъ себя христіанами, мы не можемъ преслѣдовать (истреблять) христіанъ. Послѣ этого Максиміанъ отказался отъ надежды сломить ихъ упорство и приказалъ всѣхъ ихъ умертвить. Солдаты другаго легіона, язычники, должны были ихъ окружить и исполнить приказаніе. Христіане же-солдаты не отказывались умереть; они слагали оружіе и сами протягивали шею и невооруженное тѣло своимъ палачамъ. Такъ они всѣ были казнены мечомъ. Такъ истекъ кровію ангельскій легіонъ, который теперь конечно уже съ легіонами ангеловъ на небѣ славитъ Бога Господа Саваоѳа [2]).

---

[1]) Прим. Децимація—обычный способъ наказанія въ войскахъ римской имперіи.

[2]) Bigelmair, 195—196 стр. *Прим.* Извѣстія о ѳиваидскомъ легіонѣ нѣтъ у историка Евсевія. Но это объясняютъ тѣмъ, что Евсевій, живя въ Кесаріи палестинской, вдали отъ запада, гдѣ произошло собы-

Какъ бы не объясняли этотъ расказъ о Ѳиваидскомъ легіонѣ, все же безпорнымъ будетъ то заключеніе, что въ эпоху Діоклетіана, когда было поднято систематическое преслѣдованіе христіанъ въ войскахъ, несомнѣнно христіанъ въ военной службѣ было весьма значительное количество [1]); могли встрѣчаться если не легіоны, то когорты изъ однихъ христіанъ [2]).

Приведенныя свидѣтельства даютъ право сдѣлать заключеніе, что воины—христіане въ римскихъ легіонахъ были весьма немалочислены.

Правда, о силѣ христіанскаго элемента въ римскихъ войскахъ нѣтъ точныхъ, статистическихъ указаній. Но заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство. Противники военной службы съ христіанской точки зрѣнія въ подтвержденіе сравнительно небольшаго количества солдатъ христіанъ въ войскихъ римскихъ

тіе (въ Швейцаріи), вообще многое опускаетъ изъ событій запада при Діоклетіанѣ.—Многія подробности приведеннаго разсказа нельзя признать правильными. Такъ, легіона съ наименованіемъ Ѳиваидскаго не существовало въ римской арміи при Діоклетіанѣ. Ѳиваидскій—это вѣроятнѣе всего названіе части легіона, когорты, числомъ—500 человѣкъ (См. Любкера, 247 стр.). Когорты часто получали свое названіе отъ той страны, изъ которой они были взяты, или гдѣ они отличились, или гдѣ они стояли. Вѣроятно, это была когорта, вызванная изъ Ѳиваиды, гдѣ было много христіанъ.—Время происшествія точно не опредѣляется. Возможно, что это было во время похода Максиміаніана изъ Кельна въ Африку. Этимъ легко объяснить, что въ Кельнѣ преданіе о мученической смерти принадлежащихъ къ Ѳиваидскому легіону прочно сохранилось, См.Bigelmair, 200—201 стр.

[1]) Прим. Какъ это слѣдуетъ и изъ приведенныхъ раньше свидѣтельствъ.

[2]) Прим. Можно упомянуть еще о двухъ свидѣтельствахъ, говорящихъ о большомъ числѣ христіанъ въ римскихъ легіонахъ. 1) Въ житіи св. Ромила (Житія Святыхъ, сентябрь, 6-й день. Изданіе Москов. Синодальной типографіи. М. 1902 г. 146 стр.) говорится, что на востокѣ при Траянѣ въ воинскихъ полкахъ числилось одиннадцать тысячъ исповѣдающихъ Христа. 2) Изъ Житія св. Мелетія (Житія Святыхъ, 24 мая. Изд. Синод. Тип. 703 стр.) узнаемъ, что съ военачальникомъ Мелетіемъ при Маркѣ Аврелiѣ пострадало 1218 воиновъ.

приводятъ интересный статистическій выводъ. Одинъ французскій ученый еще въ срединѣ прошлаго столѣтія сдѣлалъ сравнительный подсчетъ языческихъ и христіанскихъ надгробныхъ надписей въ Галліи съ указаніями на военное званіе умершаго. Онъ нашелъ, что изъ всей массы изслѣдованныхъ имъ христіанскихъ надписей приблизительно только $^1/_{200}$ принадлежитъ христіанамъ-воинамъ, тогда какъ изъ надписей языческихъ на долю солдатъ приходится $^1/_{20}$ [1]). Относительно этого нужно сказать слѣдующее. Прежде всего такое отношеніе ($^1/_{200}$ къ $^1/_{20}$, т. е. 1: 10) числа солдатъ христіанъ къ солдатамъ язычникамъ въ войскахъ римской имперіи ни въ какомъ случаѣ нельзя считать подтверждающимъ малочисленность христіанъ въ войскахъ имперіи до Константина В. Извѣстно, что христіане въ эпоху Константина В. составляли въ имперіи, именно, только $^1/_{10}$ часть всего населенія римской имперіи. [2]) Значитъ, отношеніе солдатъ-христіанъ къ общему количеству солдатъ въ римскихъ войскахъ было точно такое же, какъ и отношеніе христіанъ къ языческому населенію всей имперіи; въ томъ и другомъ случаѣ христіане составляли только $^1/_{10}$. Отсюда же вовсе нельзя дѣлать вывода, что христіанъ въ войскахъ римской имперіи было незначительное количество.—Затѣмъ. Относительно обозначенія званія солдата на надгробныхъ памятникахъ, равно какъ и въ христіанской литературѣ первыхъ вѣковъ, слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Христіанскія писанія трехъ вѣковъ вообще часто опускаютъ указанія званія. Основаніемъ этого служило желаніе выразить мысль о ничтожествѣ земнаго и о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ за гробомъ. Если же званіе и упоминается, то только званіе почетное, выдающееся въ общественной или государственной жизни, въ доказательство того, что христіанство имѣетъ своихъ послѣдователей и друзей и въ высшихъ

---

[1]) Таубе, 45 стр.

[2]) Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви. Спб. 1912, III томъ, 19 стр.

слояхъ общества [1]).—Слѣдовательно, статистическій выводъ французскаго ученаго долженъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что фактическое отношеніе христіанъ первыхъ вѣковъ къ военной службѣ не соотвѣтствовало воззрѣніямъ такихъ ригористовъ, какимъ былъ напр. Тертулліанъ.

Чѣмъ же объяснить, что весьма значительное количество христіанъ оказалось въ римскихъ войскахъ, что въ діоклетіановскую эпоху у правительства даже возникло опасеніе, что бы религіозныя языческія традиціи въ войскахъ не были совершенно вытѣснены христіанскими? Почему христіанская религія весьма успѣшно распространялась въ войскахъ? Повидимому, христіанская религія, какъ религія мира и любви, религія смиренія, терпѣнія и незлобія, меньше всего должна была привлекать къ себѣ военное сословіе, склонное къ разгульному и даже разбойническому образу жизни. Съ одной стороны это такъ. Но съ другой стороны для римскаго солдата въ христіанской религіи было много привлекательнаго. Прежде всего универсальный харектеръ этой религіи, освобождавшій ее отъ привязанности къ какой либо народности, неприкрѣпленность ея къ какому либо опредѣленному мѣсту, возможность всюду и всегда исполнять ея требованія—это представляло весьма много привлекательнаго для переходящихъ съ мѣста на мѣсто и составленныхъ изъ разныхъ народностей римскихъ легіоновъ. Затѣмъ, ученіе о Единомъ Богѣ неба и земли вполнѣ отвѣчало тому абсолютизму, духомъ котораго проникнута была вся имперія, а армія въ особенности. Посему, можно сказать, сила отталкиванія могла равняться здѣсь силѣ притяженія [2]). Въ тоже время въ войскахъ много было и такихъ христіанъ, которые, принявши христіанство уже въ солдатскомъ званіи, не могли легко бросить эту службу, при всемъ желаніи сдѣлать это. Дѣло въ томъ, что военная служба въ римской имперіи доставляла этому сословію очень много матеріальныхъ выгодъ.

---

[1]) Bigelmair, 183—123 стр.

[2]) Harnack, 1905 г., 55 стр.

Службу же военную добровольно избирали преимущественно бѣдные. Для таковыхъ отказъ отъ нея представлялъ часто большія, а иногда и непреодолимыя затрудненія.

Несомнѣнно, что служба въ войскахъ языческой имперіи представляла много затрудненій, испытаній для вѣры и нравственности солдата-христіанина. Но со многими изъ этихъ затрудненій христіане солдаты мирились въ своей совѣсти, подчиняясь существующимъ порядкамъ.

Первымъ очень чувствительнымъ противорѣчіемъ убѣжденіямъ вступающаго въ военную службу христіанина могла быть присяга знамени. Формула послѣдней, какъ было сказано раньше, требовала отъ солдата послушно исполнять всѣ приказанія императора, никогда не покидать знамени и идти на смерть за римское государство. Таковая клятва (sacramentum) встрѣчалась, по крайней мѣрѣ по воззрѣніямъ западныхъ христіанъ, съ безусловной клятвой, данной христіаниномъ Господу при крещеніи. Потому, по мнѣнію Тертулліана, клятвы эти были такъ же несовмѣстимы, какъ несовмѣстимы божеское и человѣческое знамя, знамя Христа и знамя Сатаны, лагерь свѣта и лагерь тьмы. Но въ этомъ сужденіи карѳагенскій апологетъ не только строгъ, ригористиченъ, но и значительно односторонненъ. Дѣло въ томъ, что императоръ въ представленіи христіанъ являлся, такъ сказать, въ двоякомъ освѣщеніи. Онъ отвѣтственный глава римской мировой монархіи. Военная, солдатская служба имѣетъ своимъ назначеніемъ исполнять волю этого императора. Если императоръ этотъ по характеру своихъ дѣйствій и требованій принадлежитъ самъ къ царству сатаны, служитъ этому царству и заставляетъ солдатъ дѣлать тоже—проливать невинную кровь, тогда солдатская служба будетъ службой царству сатаны, діавола, а потому для христіанина недозволительна. Съ другой стороны, по ученію христіанскому, императоръ получилъ мечъ отъ Бога, что бы мстить за зло, поддерживать въ имперіи порядокъ, способствующій укрѣпленію и развитію добра, добрыхъ началъ, по требованіямъ совѣсти. Если военная, солдатская служба имѣетъ своей задачей поддерживать и охранять

именно этотъ порядокъ во имя императора и идеи власти вообще (Рим. XIII, 1—4), то тогда эта военная служба необходима, а потому и дозволительна для христіанина. Въ этомъ смыслѣ христіане всегда считали себя обязанными повиноваться императору, не почитая его однако богомъ. Въ этомъ же смыслѣ похвальное, одобрительное слово военной службѣ мы встрѣчаемъ у такого виднаго представителя церкви, какъ Климентъ, епископъ римскій, мужъ апостольскій. Въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ онъ ставитъ коринѳскихъ христіанъ, среди которыхъ произошли безпорядки, своеволіе и непослушаніе іерархіи, въ образецъ и подражаніе существующую въ римскомъ войскѣ дисциплину и послушаніе. Онъ съ удовольствіемъ и гордостію дѣлаетъ здѣсь указаніе на дисциплину „нашихъ“ солдатъ [1]). При такомъ именно воззрѣніи на дѣло могли мириться въ своей совѣсти съ военной службой весьма и весьма многіе христіане.

Другимъ весьма чувствительнымъ затрудненіемъ для солдата-христіанина служилъ языческій характеръ религіозныхъ церемоній въ войскахъ. Но и здѣсь былъ копромиссъ. Въ языческихъ церемоніяхъ лагерной жизни участіе солдатъ было только пассивное. Они стояли при этомъ, какъ раньше было говорено, на главной дорогѣ (via principalis) лагеря исключительно, какъ зрители. Многіе же изъ офицеровъ, присутствуя при языческихъ жертвоприношеніяхъ, какъ знаемъ изъ приведеннаго раньше свидѣтельства Лактанція, успокоивали свою совѣсть тѣмъ, что ограждали себя крестнымъ знаменіемъ. И до эпохи Діоклетіана солдаты въ войскахъ ни къ какому прямому участію въ служеніи языческимъ богамъ не были привлекаемы; ни о какихъ спеціальныхъ распоряженіяхъ такого характера относительно солдатъ христіанъ ничего не извѣстно до этого времени.

Мирились христіане солдаты и съ другими препятствіями, выставляемыми ригористами противъ военной службы [2]), просто

---

[1]) 1 Коринѳ. XXXVII г. Переводъ Преображенскаго, 1 ч. 138 стр. Выше текстъ былъ приведенъ нами.

[2]) Прим. Препятствія эти перечислены нами выше въ 8 пунктахъ; смотр. 50 стран.

потому, что солдатское званіе здѣсь было только одной ступенью хуже многихъ другихъ званій, напр. рабства, языческаго супружества и пр. Всюду, въ жизни семейной, общественной, государственной можно было христіанину встрѣтиться съ тѣми же препятствіями для вѣры и нравственности, съ какими христіанинъ-солдатъ встрѣчался въ лагерной жизни.

---

2. Съ другой стороны, несомнѣнно, что нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, христіане не мирились въ своей совѣсти съ тѣми препятствіями для вѣры и нравственности, какія представляла собой военная служба въ языческой имперіи. Таковые уклонялись отъ военной службы, оставляли ее, какъ объ этомъ можно заключать еще изъ упрековъ Цельса и свидѣтельства Тертулліана [1]). При Діоклетіанѣ же, когда началось спеціальное преслѣдованіе христіанъ въ войскахъ, тогда весьма многіе оставили военную службу. „Можно было (тогда) уже видѣть, пишетъ Евсевій, множество лицъ изъ важнаго (офицерскаго званія) со всею охотою переходившихъ въ частную жизнь, только бы не отречься отъ вѣры въ Творца всяческихъ“ [2]).

Дальше и укажемъ извѣстные изъ жизни святыхъ случаи оставленія военной службы или уклоненія отъ нея въ до-константиновскую эпоху. Таковы. *Логгинъ*, сотникъ изъ Каппадокіи. Онъ приставленъ былъ служить съ своими солдатами при страданіи и распятіи Іисуса Христа. Онъ же былъ и въ числѣ стражи, приставленной охранять тѣло погребеннаго Спасителя. Обращенный ко Христу чудесами при крестѣ и воскресеніемъ Спасителя, Логгинъ открыто сталъ проповѣдывать, что Христосъ есть истинный Богъ. Іудеи же, видя это, стали изыскивать причину, что бы погубить его. Тогда Логгинъ „оставилъ свой воинскій санъ, одежду и поясъ и, взявъ двоихъ друзей,

---

[1]) Тертулліанъ въ сочиненіи О вѣнкѣ солдата (De corona militis) пишетъ: „Должно однако по принятіи вѣры и крещенія солдатское званіе или совсѣмъ оставить, какъ дѣйствительно нѣкоторые уже сдѣлали, или искать...“ См. Harnack, 1905 г. 65 стр.

[2]) Евсевія, Церк. Исторія, VIII кн., IV глава. 474 стр.

которые имѣли такую же ревность по Христѣ", удалился въ селеніе отца своего для безмолвной жизни—поста и молитвы [1]).—*Зосима*, грекъ, жившій въ городѣ Аполлоніи, въ области Сорополитарской, въ царствованіе Траяна (90—117), „желая сдѣлаться христіаниномъ и слыша о наступившемъ гоненіи на христіанъ, оставилъ военную службу, принялъ святое крещеніе" [2]). Привлеченный затѣмъ поклониться языческимъ богамъ, былъ замученъ за исповѣданіе вѣры [3]),—*Іеронъ* съ дружиною, родомъ изъ города Тіаны въ Каппадокіи (провинціи Малой Азіи), въ царствованіе Діоклетіана. Въ Каппадокіи велѣно было произвести наборъ годныхъ людей въ войско. Указали на Іерона, какъ на здороваго и сильнаго человѣка. Но „Іеронъ, узнавъ, что его берутъ для воинской службы, отказался идти съ ними (посланными за нимъ), считая для христіанина вреднымъ имѣть общеніе и служить съ идолопоклонниками". Замученъ былъ съ дружиною за исповѣданіе вѣры, за желаніе „лучше умереть за Христа, чѣмъ, поклонившись идоламъ, жить въ суетѣ" [4])—*Аза* и съ нимъ 150 воиновъ. Аза былъ воиномъ въ Исавріи (въ южной области Малой Азіи) при Діоклетіанѣ. „Но потомъ, желая быть воиномъ не земнаго царя, а Небеснаго, онъ оставилъ воинское званіе и удалился въ пустыню". [5])—*Гордій*, изъ Каппадокійскаго города Кесаріи, былъ сотникомъ при Ликиніи. Послѣдній систематически преслѣдовалъ христіанъ въ войскахъ. Видя это „Гордій презрѣлъ воинскую почесть, славу и блага міра сего, оставилъ родныхъ и друзей и удалился въ пустыню

---

1) Житія святыхъ. Изданіе Синодальной Типографіи М. 1902 г. Октябрь, 16 день. 396—398 стр.

2) Житія святыхъ. Изданіе Син. Тип. Іюнь, 19 число, 451—457 стр.

3) Житія святыхъ. Изд. Синод. Тип. Іюнь, 19 число, 453 стр.

4) Житія св. Изд. Синод. Тип. Ноябрь, 7 день, 135—138 стр.

5) Ibidem, ноябрь, 19-й день, 551 стр.

Примѣч. Изъ правленія Діоклетіана нужно упомянуть еще о двухъ солдатахъ Nereus и Achilleus. Оба они служили въ войскахъ, но послѣ принятія христіанства оставили военное званіе; тогда были осуждены, какъ христіане. См. Bigelmair, 184 стр.

предпочитая жить лучше со звѣрями, чѣмъ съ идолопоклонниками". Затѣмъ, скоро вернулся въ родной городъ, выступилъ съ проповѣдію христіанства и былъ замученъ (около 312 г.) за исповѣданіе вѣры. [1])—Знаменитый основатель общежительнаго монашества въ Египтѣ св. *Пахомій* при Константинѣ Вел., въ 312 году, попалъ въ число новобранцевъ. Пораженный во время похода (противъ Максенція) необыкновенною любовью христіанъ къ новобранцамъ въ одномъ городѣ (Эсне), онъ рѣшилъ присоединиться къ христіанскому обществу. По окончаніи войны крестился и удалился въ пустыню [2]).

---

3. Житія святыхъ сохранили больше именъ мучениковъ воиновъ, претерпѣвшихъ разнообразныя и жестокія истязанія, и именно за Христа, за исповѣданіе христіанской вѣры, за рѣшительный отказъ принести жертву языческимъ богамъ, а не за отказъ отъ военной службы, не за заявленіе, что военная служба, сама по себѣ, противорѣчитъ христіанскому исповѣданію. Приведемъ всѣ, извѣстные изъ Житій святыхъ, примѣры. Назовемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, по царствованіямъ.

При Веспасіанѣ (69—79 г.), въ городѣ Триполи (въ Финикіи), пострадалъ военоначальникъ *Леонтій*—за исповѣданіе хр. вѣры [3]). —*При Траянѣ* (96—117 г.)—*Ромилъ*., начальникъ императорской стражи, за исповѣданіе вѣры [4]).—*При Маркѣ Авреліи* (161—180): св. *Мелетій* стратилатъ (начальникъ войска) и съ нимъ 1218 воиновъ, въ Галатіи, за ревность о Христѣ, выразившуюся въ разрушеніи языческихъ капищъ [5]); св. *Ермій* старецъ-воинъ, въ Каппадокійскомъ городѣ Команахъ, за исповѣданіе христ. вѣры [6]); св. *Викторъ*,

---

1) Ж. св. Январь, 3 число. Издан. Син. Тип. 144—147 стр.

2) Житія святыхъ. Изд. Синод. Тип. Май, 15 число, 480 стр.

3) Житія святыхъ. Изд. Синод. Тип. Іюнь, 18 число; 402—412 стр.

4) Житія святыхъ. Изд. Синод. Тип. Сентябрь, 6 день, 146 стр.

Прим. Въ это же царствованіе замученъ воинъ Зосима. (Іюнь, 19 число), о которомъ было упомянуто раньше.

5) Ж. свят. Изд. Син. Тип. Май, 24-е число 703 стр.,

6) Ibidem, Май, 31-е число, 768—772 стр.

въ городѣ Дамаскѣ, за исповѣданіе вѣры. На требованіе воеводы: „Ты воинъ нашего царя, исполни его повѣленіе и принеси жертву", Викторъ отвѣтилъ: „Нѣтъ я теперь уже воинъ не вашего земнаго царя, но Небеснаго; если же и былъ временно воиномъ подъ властью вашего царя, то я всетаки не переставалъ служить моему Царю, и теперь не оставлю Его и вашимъ идоламъ не принесу жертвы" [1]).—*При Декіи Траянѣ* (248—251) пострадали: св. *Исидоръ*, родомъ изъ Александріи, служившій воиномъ на островѣ Хіосѣ,—за исповѣданіе вѣры [2]); *Ираклій* воинъ въ Адріанополѣ—за исповѣданіе вѣры [3]); св. *Аттикъ* и *Евдоксій*, воины въ городѣ Севастіи армянской—за распространеніе вѣры во Христа [4]); *Ипполитъ* воинъ, смотритель темницы въ Римѣ; на допросѣ мученикъ, одѣтый въ воинскую одежду, на убѣжденіе принести жертву богамъ отвѣчалъ: „я воинъ Христа Спасителя моего и желаю умереть за Него" [5]).—*Въ царствованіе Валеріана* (253—259) пострадали: воинъ *Поліевктъ*, въ городѣ Мелитинѣ, въ Арменіи, за исповѣданіе вѣры: выбилъ изъ рукъ языческихъ жрецовъ идоловъ и разбилъ ихъ [6]); воины—*Игнатій* и *Лаврентій*—въ Кареагенѣ, за исповѣданіе вѣры [7]).—Въ *царствованіе Галліена* (260—268) пострадалъ въ Кесаріи палестинской воинъ *Маринъ*, за исповѣданіе вѣры [8]).—Въ царствованіе *Авреліана* (270—275) пострадалъ *Савва* стратилатъ (воевода), за исповѣданіе вѣры, и обращенные его страданіями семьдесятъ воиновъ [9]).—Въ правленіе *Діоклетіана*, (284—305)

---

1) Жит. св., Изд. Син. Типогр., ноябрь, 11-й день, 217—228 стр.

2) Ж. св., Изд. Син. Типогр. май, 14-е число, 466—470 стр.

3) Ж. св., Изд. Синод. Типогр., октябрь, 22-й день. 508 стр.

4) Жит. св. Изд. Син. Тип. ноябрь, 3 день, 53 стран.

5) Ж. св., Изд. Син. Тип. августъ, 13-е число, 199—202 стр.

6) Idibem. январь, 9-е число, 273—275 стр.

7) Прим. О нихъ свидѣтельствуетъ, какъ было сказано раньше, Кипріанъ еп. Кареагенскій въ своемъ письмѣ къ клиру и народу о посвященіи въ чтецы Целерина. Рус. дер., 31 письм., 114 стр.

8) Ж. св., Изд. Синод. Тип. августъ, 7 число 121—125 стр.

9) Ibidem, апрѣль, 24-е число, 396—398 стр.

когда изданы были спеціальные законы противъ солдатъ, исторія отмѣчаетъ бо̀льшее число мучениковъ. Тогда пострадали: семь воиновъ въ Финикіи за обращеніе ко Христу [1]); семь воиновъ въ Самосатѣ (городѣ Сиріи) за обличеніе идольскаго служенія [2]); *Ѳеодоръ Тиронъ* (воинъ-новобранецъ), въ г. Амасіи, понтійской области (М. Азіи)—за исповѣданіе вѣры и отказъ принести жертву идоламъ, причемъ „говорилъ предъ всѣми воинами, что онъ воинъ Царя Небеснаго и Ему одному только поклоняется и служитъ“ [3]); *Маврикій*, начальникъ войска, въ городѣ Сирійскомъ Апамеѣ, съ семьюдесятью воинами—за исповѣданіе хр. вѣры [4]); соратники Ѳеодора Тирона, въ томъ же городѣ, Амасіи понтійской, за исповѣданіе вѣры (пострадали они позднѣе Ѳеодора Тирона) [5]); *Георгій Побѣдоносецъ*, тысяченачальникъ въ Каппадокіи, пострадалъ въ Никомидіи за обличеніе идолослуженія и исповѣданіе христ. вѣры [6]); *Акакій*, сотникъ, во Ѳракійскомъ городѣ Пиринѳѣ,—за отказъ принести жертву идоламъ и исповѣданіе хр. вѣры [7]); *Солохонъ*, воинъ, съ двумя товарищами воинами, *Памфамиромъ* и *Памфалономъ*, въ городѣ Халкидонѣ—за отказъ принести жертву идоламъ и исповѣданіе хр. вѣры [8]): *Оронтій* съ шестью братьями,—всѣ воины,—за исповѣданіе хр. вѣры [9]); *Андрей Стратилатъ*, тысяченачальникъ въ Сиріи,—за исповѣданіе хр. вѣры [10]); *Евдоксій*, военачальникъ въ городѣ Мелитинѣ, въ Арменіи,—за исповѣданіе христ. вѣры [11]);

---

1) Ibidem, январь, 26-е число, 881 стр.
2) Ibidem, январь, 29-е число, 911 стр.
3) Ibidem, февраль, 17-е число, 307—315 стр.
4) Ibidem, февраль, 22-е число, 390—400 стр.
5) Ibidem, мартъ, 3-е число, 64—78 стр.
6) Ibidem, апрѣль, 23-е число, 358—375 стр.
7) Ibidem, май, 7-е число, 226—240 стр.
8) Ibidem, май, 17-е число, 544—548 стр.
9) Ibidem, іюнь, 24-е число, 535 стр.
10) Ibeidm, августъ, 19-е число, 319—328 стр.
11) Ibidem, сентябрь, 6-е число, 103 стр.

Каллистратъ, воинъ въ Константинополѣ, и обращенные имъ ко Христу воины—за исповѣданіе вѣры [1]); тридцать воиновъ въ Антіохіи Писидійской—за исповѣданіе вѣры [2]); *Сергій* и *Вакхъ*, знатные военные сановники—первый „примикаръ", т. е. первый начальникъ полка, состоявшаго изъ союзниковъ, а второй „секандоторій", т. е. второй начальникъ того же полка—въ Римѣ, при Максиміанѣ, западномъ справителѣ Діоклетіана, пострадали за отказъ принести жертву Зевсу и исповѣданіе христ. вѣры [3]); *Θеотокенъ*, воинъ, въ Антіохіи—за исповѣданіе вѣры [4]); *Тарахъ*, *Провъ и Андроникъ*, воины, въ Тарсѣ Киликійскомъ—за исповѣданіе вѣры [5]); *Іеронъ* съ дружиной, въ Каппадокіи—за отказъ поклониться идоламъ и исповѣданіе хр. вѣры [6]); *Аза* и 50 воиновъ въ Исаврiи (въ М. Азіи)—за исповѣданіе вѣры [7]); *Севастіанъ*, воинъ, начальникъ придворной стражи при Діоклетіанѣ, съ дружиной, въ числѣ которой были два брата—*Маркъ* и *Маркеллъ*—за исповѣданіе вѣры [8]).—Въ правленіе *Ликинія* (311—323), преемника Галерія по востоку, пострадали: *Гордій*, военачальникъ въ Кесаріи Каппадокійской—за исповѣданіе вѣры [9]); *Θеодоръ Стратилатъ* (воевода), въ городѣ Ираклiи, близъ Чернаго моря—за распространеніе хр. вѣры и

---

1) Ibidem, сентябрь, 27-е число, 497 стр.
2) Ibidem, сентябрь, 28-й день, 626 стр.
3) Ibidem, октябрь, 7-й день, 154—163 стр.
4) Ibidem, октябрь, 1-й день, 239 стр.
5) Ibidem, октябрь, 12-й день, 261—278 стр.
6) Ibidem, ноябрь, 7-й день, 136—142 стр.
7) Ibidem, ноябрь, 19-й день, 551 стр.
8) Ibidem, декабрь, 18 число, 472—498 стр.

Примѣч. Кромѣ того извѣстны при Діоклетіанѣ мученики: Въ Кесаріи Fabius—за то, что отказался нести изображенія боговъ въ религіозной процессіи; во Θракіи Юлій, семь разъ бывшій въ походахъ, служившій въ войскѣ 27 лѣтъ—за отказъ принести жертву богамъ. См. Bigelmair, 122 стр.

9) Ж. св. Изд. Син. Тип. январь, 3-е число, 141—148.

отказъ принести жертву богамъ [1]); 40 воиновъ въ Севастіи—за исповѣданіе вѣры [2]).—При *Максиминѣ*, кесарѣ Ликинія, правившемъ Египтомъ и Сиріей (311—313), пострадалъ воинъ *Уаръ*, начальникъ тіанской когорты, въ Египтѣ, въ г. Александріи,—за исповѣданіе вѣры [3]). Въ Египтѣ же пострадалъ *Дасій* (Dasius) въ праздникъ Saturnalia [4]). Приведемъ нѣсколько подробностей осужденія на смерть этого воина-мученика.

Когда приближались праздничные дни Saturnalia, солдаты, товарищи Дасія по легіону, захотѣли для исполненія праздника выбрать изъ своей среды короля, украсить его королевскимъ вѣнцомъ и дозволить ему все въ продолженіи праздника, на концѣ котораго онъ самъ долженъ принести жертву Кроносу. При выборѣ исполнителя праздника жребій палъ на Дасія, солдата-христіанина. Дасій послѣ нѣкотораго размышленія, вопреки убѣжденіямъ своихъ товарищей, отказался отъ роли исполнителя, заявивши открыто и о причинѣ отказа, именно, что онъ христіанинъ. Товарищи тогда его представили судьѣ. Послѣдній потребовалъ отъ Дасія принести жертву предъ изображеніемъ императора. Но такъ какъ Дасій отъ этого рѣшительно отказался

---

[1]) Ibidem, февраль, 8-е число, 168—173 стр.

[2]) Ibidem, мартъ, 9-е число 181—195 стр.

[3]) Ibidem, октябрь, 19 день, 431—440 стр.

[4]) *Прим.* Saturnalia—празднества въ честь бога Сатурна или (что одно и тоже) Кроноса, властвовавшаго на островахъ Блаженныхъ. Во время его правленія былъ золотой вѣкъ. Saturnalia праздновали въ теченіе семи дней, начиная съ 17 декабря, во время зимняго солнцестоянія, когда начиналось обновленіе природы. Въ празднествахъ старались представить золотые дни времени царствованія Сатурна, оставивши въ покоѣ всѣ работы, и при крикѣ: io Saturnalia, io dona Sáturnalia, предавались неудержимому веселью; пировали и играли, давали другъ другу подарки и угощали за своимъ столомъ рабовъ, въ знакъ того, что въ царствованіе Сатурна не было никакого различія въ положеніи. См. Любкера, 274 стр.

въ силу своихъ христіанскихъ убѣжденій, то и былъ обезглавленъ [1]).

Итакъ, весьма многіе изъ приведенныхъ примѣровъ мученичества ясно свидѣтельствуютъ, что солдаты-христіане вѣрно исполняли военную присягу императору римскому до тѣхъ поръ, доколѣ приказанія этого императора не ставили ихъ въ противорѣчіе съ вѣрностію Высшему Господу, съ исповѣданіемъ Христа, чрезъ требованіе принести жертву богамъ.

---

4. Остается сказать о такихъ историческихъ фактахъ, которые будто бы свидѣтельствуютъ, что „немало христіанъ, почитаемыхъ церковію святыми, потерпѣли мученіе и смерть именно за отказъ служить подъ знаменами Рима“ [2]). Въ рукахъ безусловныхъ противниковъ военной службы съ христіанской точки зрѣнія по существу, безъ отношенія къ языческой обстановкѣ службы въ легіонахъ Рима, такіе факты большой важности. Посему они требуютъ внимательнаго отношенія къ себѣ, подробнаго разъясненія, чтобы избѣжать неправильныхъ заключеній. Противники же военной службы съ христіанской точки зрѣнія по существу совершенно не даютъ подробнаго анализа приводимыхъ ими историческихъ примѣровъ, довольствуются голой ссылкой на нихъ, почти однимъ указаніемъ именъ. Называютъ святыхъ: Маркелла. Максимиліана и Мартина со ссылкой всего на одно выраженіе изъ процесса допроса св. Мартина: „я воинъ Христа, сражаться мнѣ не подобаетъ“ [3]). Правда, историческія свѣдѣнія о подробностяхъ отказа упомянутыхъ лицъ отъ военной службы и мученичества за это сравнительно скуд-

---

[1]) См. Bigelmair, 192—193 стр.

[2]) Таубе, 46 стр.

[3]) Ibidem. Прим. При этомъ нужно замѣтить, что и самое выраженіе св. Мартина передается неточно. Буквально оно таково: „Я воинъ Христовъ, и посему не долженъ болѣе сражаться за тебя (императора Юліана)“ (См. Ж. Св. Изд. Синод. типогр., Октябрь, 12 день 283 стр.). О Мартинѣ рѣчь у насъ будетъ ниже.

ны. Все же настоятельно необходимо разъяснить и эти скудныя свѣдѣнія о нихъ. Попытаемся это сдѣлать.

Св. Маркеллъ. Событіе относится ко времени правленія Діоклетіана, ко времени строгаго преслѣдованія христіанъ въ войскахъ. Маркеллъ тогда былъ начальникомъ въ Траяновомъ легіонѣ. Мѣстомъ происшествія въ актахъ указывается провинція Тингитана (Tingitana), на сѣверномъ берегу Мавританіи, самой западной страны сѣверо-африканскаго берега [1]). Праздновали вступленіе на престолъ императора,—такъ называемый dies natalis, важный царскій праздникъ. Въ войскахъ всѣ солдаты обязаны были принять непосредственное участіе въ принесеніи жертвы богамъ. Въ то время какъ всѣ приносили жертвы и пировали, выдѣлился нѣкто изъ центуріоновъ (сотниковъ) Траянова легіона Маркеллъ (Marcellus). „Бросивши воинскій поясъ [2]) предъ находящимися здѣсь знаменами [3]) легіона, онъ громкимъ голосомъ свидѣтельствовалъ, говоря: Іисусу Христу, вѣчному Царю, воинствую; бросилъ также и одежду [4]) и оружіе [5])

---

[1]) Любкера, Словарь, 1023 стр. *Прим.* Harnack. (1905 г. 85 стр.) полагаетъ, что этотъ полкъ, гдѣ служилъ Маркеллъ, имѣлъ свою обычную стоянку въ Александріи.

[2]) Прим. Воинскій поясъ составлялъ отличіе центуріона.

[3]) Прим. Знамена воинскія, какъ было выше сказано, имѣли изображенія орловъ, ставились въ центрѣ лагеря, чтились больше, чѣмъ всѣ боги. Существовала присяга знамени.

[4]) Прим. Военной одеждой римлянъ былъ sagum, шерстяной солдатскій плащъ, ниспадавшій до колѣнъ, поверхъ панцыря и подобранной до колѣнъ туники (туника - родъ рубахи; это домашняя и рабочая одежда римлянина). Онъ держался на плечѣ посредствомъ пряжки. Нѣсколько болѣе длинный sagum полководца назывался paludamentum, бѣлаго или пурпуроваго цвѣта. См. Любкера, Словарь, 1156 стр.

[5]) Прим. Оружіе у римлянъ подраздѣлялось на оборонительное и наступательное. Къ первому относились: небольшой круглый щитъ, панцырь, наножники и шлемъ. Щитъ былъ изъ легкаго дерева, покрытый воловьей шкурой и обитый вверху и внизу желѣзомъ, которое должно было принимать на себя непріятельскіе удары; въ срединѣ съ наружной стороны была выпусклость съ желѣзнымъ горбомъ по срединѣ, что бы выстрѣлы, ударяясь объ нее, отскакивали.—Панцырь или

и прибавилъ: посему за вашихъ императоровъ сражаться не стану и боговъ вашихъ деревянныхъ и каменныхъ презираю, чтобы служить имъ; если таково условіе военной службы, чтобы быть принуждаемымъ приносить жертвы богамъ и императорамъ, то вотъ повергаю одежду и поясъ, отвергаю (въ смыслѣ святыни и клятвы) знамена и отказываюсь сражаться". При послѣдовавшемъ за этимъ судебномъ допросѣ Маркеллъ еще сказалъ: „Не должно сражаться за бренную суету христіанину человѣку, который воинствуетъ Христу Богу". [1])

Изъ этого текста дошедшихъ до насъ актовъ выясняются такія подробности дѣла. Привлеченный въ торжественной обстановкѣ необходимо къ прямому и активному участію въ принесеніи жертвы изображенію императора и другихъ боговъ сотникъ Маркеллъ бросаетъ съ себя прежде всего воинскій поясъ, какъ отличительный знакъ военачальника; бросаетъ поясъ предъ знаменами, стоявшими здѣсь же въ центрѣ церемоніи и чтившимися

нагрудникъ дѣлался изъ мѣди и защищалъ только грудь, такъ какъ остальное тѣло прикрывалось щитомъ.—Наножники доходили вверхъ до колѣнъ; въ эпоху имперіи наножники дѣлались только на правой ногѣ, которая въ бою выставлялась впередъ. Шлемъ, который носили только состоятельные, дѣлался изъ кожи, но для защиты отъ непріятельскихъ ударовъ обвивался металломъ; впереди у него былъ козырекъ, отогнутый на концѣ нѣсколько вверхъ, что бы не мѣшать зрѣнію. Остальное лицо было свободно. Но для защиты щекъ и для прикрѣпленія шлема служили кожанныя, обитыя также металлической чешуей, застежки, которыя шли подъ подбородкомъ. Сверху шлемъ былъ украшенъ султаномъ изъ 3-хъ въ локоть длины стоящихъ вверхъ красныхъ и черныхъ перьевъ, или также ниспадавшимъ назадъ конскимъ хвостомъ для защиты затылка.—Наступательнымъ оружіемъ у римлянъ были: мечъ и метательное копье. Мечъ (gladius) висѣлъ съ правой стороны, дабы щитъ, носимый на лѣвой рукѣ и по лѣвую сторону, не мѣшалъ при вытягиваніи его изъ ноженъ. Полководцы и командиры, не носившіе щита, носили мечъ на лѣвой сторонѣ. Онъ носился, какъ и теперь, на кожаной протупеѣ чрезъ плечо или на застегиваемомъ пряжкой поясѣ.—Метательное копье, наконечникъ котораго былъ снабженъ крючьями, было довольно тяжелое; оно имѣло въ длину нѣсколько больше 5 футовъ. См. Любкера, 1159—1160 стр

[1]) Прим. Подлинный смотр. у Harnack, 1905 г., 117 стр.

даже больше всѣхъ боговъ; предъ тѣми знаменами, предъ которыми приносилъ нѣкогда клятву послушно исполнять всѣ приказанія императора. Такое дѣйствіе было открытымъ (и съ точки зрѣнія военной дисциплины дерзкимъ) отказомъ отъ военной службы. Далѣе. Слова, сказанныя одновременно съ поверженіемъ пояса—Іисусу Христу, вѣчному Царю, воинствую—представляя собой открытое и громко заявленное свидѣтельство о принадлежности къ христіанской вѣрѣ, къ преступной по римскимъ законамъ сектѣ, въ тоже время являются несомнѣнно, по убѣжденію мученика, ближайшей и существенной причиной поступка, т. е. онъ Маркеллъ покидаетъ военное званіе, какъ несогласное съ христіанскимъ исповѣданіемъ, со служеніемъ Христу, каковое служеніе онъ называетъ воинствованіемъ [1]). Въ чемъ же это не-

---

[1]) Прим. О смыслѣ и значеніи понятій—воинствовать, воинъ Христа—въ христіанскомъ обществѣ первыхъ вѣковъ сказано раньше. Они, представляя собой аналогію военной жизни, выражаютъ собой необходимость для христіанина постоянной и упорной борьбы, постоянной готовности къ этой борьбѣ съ ветхимъ человѣкомъ, со грѣхомъ, что бы обновиться и укрѣпиться во Христѣ. Здѣсь смыслъ и значеніе въ характерѣ этой борьбы, въ постоянной готовности къ этой борьбѣ, а не въ противоположности понятій, не въ безусловномъ отрицаніи военной службы христіанами. Выраженія такія въ исторіи мучениковъ нерѣдки. Такъ, напр.: „Я воинъ Христа моего, говоритъ св. Леонтій, сынъ истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка“ (См. Ж. св. Изд. Син. Тип. Іюнь, 18 число, 408 стр.)—О Лаврентіѣ и Игнатіѣ Кипріанъ говоритъ что „они истинные и духовные воины Божіи“ (Твор. Кипріана, рус. пер., 31 письмо, 144 стр.).—„Я теперь уже воинъ не вашего земнаго царя, но Небеснаго“, отвѣчалъ на допросѣ у судьи Викторъ (Ж. св Изд. Синод. типогр., Ноябрь 11 число, 217 стр.)—„Я воинъ Христа моего Спасителя и желаю умереть за Него“, говоритъ св. Ипполитъ (Ж. св. изд. Син. Тип., Августъ, 13 число, 200 стр.).—Ѳеодоръ Тиронъ на приказаніе принести жертву богамъ говоритъ, „я воинъ моего царя Христа и не могу быть воиномъ какого либо другаго царя“. (Февраль, 17 число, Изд. Син. Тип. 308 стр.)—Въ устахъ мучениковъ воинствованіе Христу, какъ исповѣданіе христіанской вѣры, противопоставляется не военной службѣ вообще, а лишь такимъ приказаніямъ и требовані-

согласіе? Въ чемъ же это несоотвѣтствіе военной службы служенію Христу находитъ, испытываетъ мученикъ въ своемъ христіанскомъ сознаніи и притомъ несоотвѣтствіе безусловное, непримиримое? Почему это противорѣчіе для Маркелла только *теперь* стало невозможнымъ обойти или примирить? Почему это противорѣчіе не было безусловно непримиримымъ, нетерпимымъ раньше, когда Маркеллъ несомнѣнно не мало времени былъ простымъ солдатомъ, а можетъ быть не мало времени былъ уже и сотникомъ? Да и теперь сознается ли Маркелломъ это противорѣчіе военной службы христіанскому исповѣданію по существу, принципіально, т. е. какъ воспрещенное ясно ученіемъ Христа и безусловно несогласное съ духомъ и характеромъ христіанской религіи? Или же это противорѣчіе даннаго момента, данной языческой обстановки, языческаго идолослуженія, безусловно отвергаемаго Христомъ и его послѣдователемъ-христіаниномъ? Дальнѣйшія слова актовъ и даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, не оставляя никакого сомнѣнія относительно ихъ смысла. Бросая за поясомъ одежду и оружіе, т. е. совершенно покидая всѣ принадлежности военной службы, а слѣд. и освобождая себя отъ всѣхъ обязанностей этой службы, Маркеллъ говоритъ „за вашихъ императоровъ сражаться не стану и боговъ вашихъ деревянныхъ и каменныхъ презираю, чтобы служить имъ; если таково условіе военной службы, чтобы быть принуждаемымъ приносить жертвы богамъ и императорамъ, то... отказываюсь сражаться“. Здѣсь причина отказа отъ военной службы выражена весьма ясно, опредѣленно. Эта причина отказа сражаться за императора, къ чему обязывала присяга знамени, и вообще сражаться (какъ выражено въ концѣ), т. е. причина отказа отъ военной службы вообще выставляется не та, что эта военная служба безусловно противорѣчитъ христіанскому исповѣданію по существу, а только та, что теперь предъявлено условіе, связы-

---

ямъ отъ этой службы, которыя нарушаютъ вѣрность Христу, требуютъ такихъ поступковъ (напр. принесеніе жертвы императору), которые явно и несомнѣнно противорѣчатъ служенію Христу, какъ Богу, а потому являются измѣной Христу, отреченіемъ отъ Христа.

вающее воинскую службу неизбѣжно для каждаго съ идолослуженіемъ, что теперь стали требовать активнаго участія въ языческихъ жертвахъ отъ каждаго солдата. Если это новое условіе, предъявленное теперь, при Діоклетіанѣ, стало неизбѣжнымъ для всякаго, остающагося въ войскахъ, то оно, какъ требующее измѣны Христу, отреченія отъ христіанства, теперь и заставляетъ Маркелла отказаться отъ военной службы. И только. Значитъ, несомнѣнно, что здѣсь устанавливается въ сознаніи мученика противорѣчіе военной службы для христіанина не христіанскому исповѣданію по существу, а противорѣчіе лишь требованіямъ языческаго идолослуженія отъ всякаго, находящагося на военной службѣ.

Присоединенный въ концѣ актовъ отвѣтъ Маркелла на допросѣ у судьи также весьма характеренъ. „Не должно сражаться за бренную суету человѣку христіанину, который воинствуетъ Христу Богу". Отвѣтъ этотъ Маркелла нужно понимать въ смыслѣ согласномъ съ заявленіемъ мученика на самомъ праздникѣ, что причиной оставленія имъ службы служитъ принужденіе къ идолопоклонству. Здѣсь мученикъ не высказываетъ безусловнаго отрицанія всякой войны для христіанина, который долженъ воинствовать Христу, т. е. согласно съ ученіемъ Христа всѣ свои силы и вниманіе направлять на борьбу съ грѣхомъ, стремиться къ высшимъ цѣлямъ, вѣчнымъ идеаламъ; нѣтъ. Смыслъ этого отвѣта слѣдуетъ устанавливать такой. Готовый претерпѣть мученіе за исповѣданіе Христа и воспріять вѣчную награду, на допросѣ у судьи Маркеллъ и даетъ въ своемъ отвѣтѣ оцѣнку всего земнаго; противопоставляетъ взгляду язычниковъ взглядъ христіанина на земную жизнь, отъ которой онъ имѣетъ скоро отрѣшиться. Всю земную жизнь, со всѣми ея интересами, какіе преслѣдовали и римское правительство и языческое общество, во всей ея совокупности, включая сюда и язычество, мученикъ называетъ бренной суетой [1]). А потому и

---

[1]) Прим. Таковое же названіе находимъ и въ Св. Писаніи. Ап. Павелъ говоритъ о язычникахъ, что они осуетились въ умствованіяхъ своихъ и стали служить твари вмѣсто Творца (Рим. 1, 23—25).—Тако-

войны римлянъ за такіе земные, низменные, языческіе, суетные интересы не согласны съ вѣчными, высокими цѣлями, къ какимъ долженъ стремиться христіанинъ. И участвовать христіанину въ такихъ войнахъ за бренную суету, сражаться ради низменныхъ цѣлей не слѣдуетъ. Но это еще не значитъ, что военная служба для христіанина безусловно непозволительна. Съ таковымъ пониманіемъ отвѣта у судьи нельзя согласиться не только по прямому смыслу отвѣта Маркелла на праздникѣ, но и по поведенію мученика, который до принужденія къ языческому жертвоприношенію не считалъ своей военной службы непримиримой съ христіанскимъ исповѣданіемъ.

Итакъ, акты Маркелла приводятъ къ тому заключенію, что этотъ мученикъ пострадалъ не за отказъ отъ военной службы, какъ безусловно несогласной съ христіанскимъ исповѣданіемъ по существу, а за отказъ принести жертву языческимъ богамъ.

Св. Максимиліанъ. Событіе относится тоже ко времени правленія Діоклетіана, ко времени строгаго преслѣдованія христіанъ въ войскахъ. Мѣсто происшествія—африканскій городъ Тевестъ [1]). Обстановка происшествія—зачисленіе въ рекруты, наборъ новобранцевъ [2]). Производящее наборъ лицо—проконсулъ Діонъ. Здѣсь же находятся протоколисты. Акты воспроизводятъ оффиціальную обстановку происшествія. [3])

вое же названіе „суета“ и таковую оцѣнку языческой жизни во всей ея совокупности и именно вмѣстѣ съ поклоненіемъ идоламъ находимъ и у другихъ мучениковъ. Такъ соратники Іерона, на его увѣщаніе быть вѣрными Христу, отвѣчаютъ: „Мы желаемъ лучше умереть за Христа, чѣмъ, поклонившись идоламъ, жить въ суетѣ“ (Ноябрь, 7 число. Изд. Син. типогр. 138 стр.).—Св. Севастіанъ увѣщевалъ свою дружину словами: „Временная жизнь не стоитъ того, чтобы дорожить ею. Развѣ удовлетворяетъ она стремленія человѣческія? Развѣ не разрушаетъ всѣ надежды? Развѣ не полна суеты, лжи горя?...“ (Декабрь, 18 число. Ж. св. Изд. Дестуниса, 122 стр.).

[1]) Проф. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви II т. СПБ. 1910 г. 138 стр.

[2]) Прим. При зачисленіи въ войска новобранцевъ съ конца втораго вѣка, въ виду опасности для имперіи отъ варваровъ, смотрѣли только на тѣлесную годность. Любкера, 395 стр.

[3]) Подлинный текстъ дошедшихъ до насъ актовъ смотр. у Harnack, 1905 г., 114—116 стр.

Проконсулъ Діонъ обращается къ Максимиліану съ вопросомъ, какъ его зовутъ? [1]). Максимиліанъ отвѣчаетъ: зачѣмъ желаешь знать мое имя? Мнѣ непозволительно воевать, потому-что я христіанинъ. Діонъ проконсулъ сказалъ: изготовь это (то есть, запиши) и, когда изготовлялось, Максимиліанъ говоритъ: не могу воевать, не могу худо дѣлать: я христіанинъ. Діонъ проконсулъ сказалъ: пусть измѣряютъ, и когда былъ измѣренъ (рекрутъ), оффиціально было объявлено: имѣетъ пять футовъ, десять унцій [2]). Діонъ проконсулъ сказалъ оффиціально: пусть будетъ обозначенъ (надѣтъ на него знакъ рекрута); тогда Максимиліанъ, сопротивляясь, отвѣчалъ: не исполняю; не могу воевать. Діонъ сказалъ: вступай въ войско, что бы не погибнуть тебѣ. Максимиліанъ отвѣчалъ: не поступлю въ войско, отсѣки мнѣ голову; не воинствую суетѣ человѣческой, но воинствую моему Богу. Діонъ проконсулъ сказалъ: кто тебя въ этомъ убѣдилъ? Максимиліанъ отвѣчалъ: духъ мой и тотъ, который меня призвалъ. Діонъ проконсулъ сказалъ Виктору, его отцу: убѣди своего сына. Викторъ отвѣчалъ: имѣетъ свое намѣреніе, самъ знаетъ, что ему полезно. Діонъ къ Максимиліану: вступи въ войско и прими знакъ. Максимиліанъ отвѣчалъ: не принимаю знака человѣческаго, имѣю уже знакъ Христа, моего Бога. Діонъ сказалъ: я тотчасъ отправлю тебя къ твоему Христу. Максимиліанъ отвѣчалъ: желалъ бы, что бы ты такъ сдѣлалъ; въ этомъ и заключается моя похвала (подвигъ). Діонъ оффиціально сказалъ: пусть будетъ обозначенъ. Максимиліанъ, сопротивляясь, отвѣчалъ: не принимаю знака человѣческаго, и если обозначишь (надѣнешь знакъ), то разломаю его, потому что онъ ничего не значитъ: я христіанинъ, не позволительно мнѣ носить

---

[1]) Прим. Тоже видимъ при допросѣ мученика Тараха. См. Ж. св. Изд. Син. тип., октябрь, 12 день, 269 стр.

[2]) Прим. Пять футовъ, десять унпій — относится къ намѣренію и обозначаетъ ростъ солдата. Таковая мѣра признавалась показателемъ годности для зачисленія даннаго лица въ рекруты. Солдатовъ въ 6 футовъ, какъ самыхъ высокихъ, обыкновенно помѣщали уже въ первыя когорты. См. Любкера, Словарь, 307 стр.

на шеѣ свинцовый знакъ послѣ спасительнаго знака Господа моего Іисуса Христа, Сына Бога живаго, Котораго ты не вѣдаешь, Который пострадалъ ради нашего спасенія, Котораго Богъ предалъ на страданія за грѣхи наши, Ему служимъ мы всѣ христіане, Ему слѣдуемъ начальнику жизни, виновнику спасенія. Діонъ сказалъ: вступи въ войско и прими знакъ, что бы тебѣ несчастному не погибнуть. Максимиліанъ сказалъ: не погибну; мое имя уже у моего Господа; не могу воевать. Діонъ сказалъ: прими во вниманіе юность свою и вступи въ войско, ибо это прилично юношѣ. Максимиліанъ отвѣчалъ: воинствованіе мое къ Богу моему; не могу сражаться за человѣческую суету; я сказалъ, что я христіанинъ. Діонъ проконсулъ сказалъ: въ свитѣ нашихъ владыкъ Діоклетіана и Максиміана, Констанція и Максимина есть христіане и служать солдатами. Максиміліанъ отвѣчалъ: они сами знаютъ, что имъ полезно; а я всетаки христіанинъ и не могу худо дѣлать. Діонъ сказалъ: тѣ, которые служатъ въ войскахъ, что худаго дѣлаютъ? Максиміліанъ отвѣчалъ: ты самъ знаешь, что они дѣлаютъ. Діонъ проконсулъ сказалъ: поступи въ войско, чтобы за презрѣніе военной службы тебѣ не погибнуть зло. Максимиліанъ отвѣчалъ: я не погибну; и если выйду отъ человѣческаго вѣка (умру для этой жизни), душа моя живетъ со Христомъ, Господомъ моимъ. Діонъ проконсулъ сказалъ: вычеркни имя его; и когда было вычеркнуто, Діонъ сказалъ: такъ какъ неблагодарнымъ духомъ ты отвергъ военную службу, то получишь ты соотвѣтственный приговоръ для примѣра прочимъ, и прочиталъ изъ дощечки опредѣленіе: Максимиліана за то, что онъ неблагодарной душой отвергъ присягу (sacramentum) военной службы, рѣшено наказать мечомъ (предать смерти чрезъ усѣченіе мечомъ). Максиміліанъ отвѣчалъ: Благодареніе Богу!

Эта замѣчательная оффиціальная запись изъ рекрутскаго набора даетъ возможность представлять дѣло такъ. Максиміліанъ, привлеченный къ зачисленію въ рекрута, къ поступленію въ войска имперіи въ эпоху Діоклетіана, объявляетъ прямо о своемъ христіанскомъ исповѣданіи, отказываясь назвать

свое собственное имя. Отказывается отъ зачисленія въ войска, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не можетъ воевать, потому что онъ христіанинъ, не можетъ сражаться за человѣческую суету, потомучто онъ воинствуетъ Христу; онъ не можетъ поступить на службу въ войска потому, что не можетъ худо дѣлать, и тѣ которые въ войскахъ служатъ, худо дѣлаютъ. Приказанію проконсула надѣть на Максимиліана знакъ воина—свинцовое ожерелье—какъ зачисленнаго въ войска, [1]) онъ окончательно сопротивляется; заявляетъ, что онъ не можетъ принять этого знака, потомучто уже имѣетъ на себѣ спасительный знакъ Христа. Въ томъ случаѣ, если бы проконсулъ настоялъ на своемъ и добился, можетъ быть, силой, что бы таковой знакъ зачисленія въ рекрута, обязывающій принести солдатскую присягу, былъ надѣтъ на Максимиліана, то Максимиліанъ рѣшительно заявляетъ, что онъ таковой знакъ рекрута разломаетъ, какъ не имѣющій никакого значенія, никакой цѣны.

Значитъ, сущность отказа, по содержанію приведеннаго отрывка, можетъ быть выражена такъ. Максимиліанъ отказывается отъ зачисленія въ войска потому, что онъ a) какъ христіанинъ воинствуетъ Христу, а посему не можетъ сражаться за человѣческую суету; b) какъ христіанинъ, онъ не можетъ поступить на службу въ войска потому, что служить въ войскахъ, значитъ, худо дѣлать, и тѣ христіане, которые служатъ въ войскахъ, худо дѣлаютъ; c) не можетъ онъ, какъ христіанинъ, надѣть на себя рекрутскаго знака, обязывающаго его принять солдатскую присягу, потомучто таковой знакъ несовмѣстимъ съ спасительнымъ знакомъ Христа, который онъ, Максимиліанъ, уже носитъ на себѣ.

На первый взглядъ акты Максимиліана служатъ сильнымъ свидѣтельствомъ, что въ началѣ четвертаго вѣка христіанами военная служба признавалась несовмѣстимой съ христіанскимъ исповѣданіемъ. Однако такое заключеніе едва ли можетъ быть

---

[1]) См. Болотова, II т. 139 стр.

признано правильнымъ.—Прежде всего нужно принять во вниманіе, что Максиміліанъ былъ сыномъ ветерана и, какъ таковой, былъ обязанъ военной службой. При этомъ отецъ Максиміліана самъ былъ христіаниномъ и, не смотря на это, ожидалъ, что и сынъ его не будетъ противиться вступленію въ военную службу. Онъ даже купилъ ему новый военный мундиръ 1). Затѣмъ, судья напоминаетъ юному рекруту, что въ свитѣ Діоклетіана и его соправителей служатъ солдатами христіане. Максиміліанъ не оспариваетъ этого, а только замѣчаетъ, что они сами должны знать, что имъ полезно: я же, какъ христіанинъ, не могу служить. Несомнѣнно, что Максиміліанъ не одобряетъ службы христіанъ въ войскахъ, но фактъ службы не отвергается. Отецъ Максиміліана, хотя и радуется твердости въ вѣрѣ сына, какъ видно изъ актовъ, но самъ остается служить въ войскѣ. Это прежде всего. Дальше обратимся къ анализу содержанія актовъ.

a) Максиміліанъ ясно противопоставляетъ недозволительность христіанину сражаться за человѣческую суету тому, что христіанинъ долженъ воинствовать Христу. Здѣсь мотивъ отказа тотъ же самый, какой указанъ мученикомъ Маркелломъ въ словахъ: „не должно сражаться за бренную суету человѣку христіанину, который воинствуетъ Христу Богу“. Смыслъ и значеніе этого мотива тѣ же, какіе указаны выше, въ рѣчи о мученичествѣ Маркелла, т. е. не безусловное отрицаніе всякой войны съ христіанской точки зрѣнія, а противопоставленіе взгляда христіанина взгляду язычника на земную жизнь съ ея низменными интересами включительно до поклоненія языческимъ богамъ и до войны по низменнымъ побужденіямъ.

b) Второе положеніе въ устахъ мученика то, что онъ, Максиміліанъ, не можетъ поступить на службу въ войска потому, что, какъ христіанинъ, онъ не можетъ худо дѣлать; тѣ, которые служатъ въ войскахъ, худо дѣлаютъ. Смыслъ этого послѣдняго выраженія не совсѣмъ ясенъ. Отвѣтъ Максиміліана на

1) Harnack, 1905 г., 84 стр.

вопросъ проконсула—что же дѣлаютъ худаго тѣ, которые служатъ въ войскахъ—„ты самъ знаешь, что они дѣлаютъ худаго“ нисколько не уясняетъ существа дѣла. Изъ этого отвѣта можно сдѣлать лишь отрицательное заключеніе. Нельзя допустить въ содержаніи этого отвѣта мученика того, (будто бы) хорошо извѣстнаго проконсулу положенія, что для христіанина самымъ христіанскимъ ученіемъ безусловно воспрещается военная служба. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы такое положеніе было хорошо извѣстно проконсулу. Напротивъ, ему было извѣстно, что многіе христіане служатъ въ войскахъ Діоклетіана; слѣд. онъ могъ думать, что христіанину его религіей не воспрещается проходить военную сдужбу. Поэтому естественнѣе и вѣроятнѣе всего подъ этимъ худымъ дѣланіемъ нужно разумѣть то, что теперь при Діоклетіанѣ всѣ солдаты принуждаются принимать, а посему, значитъ, и принимаютъ (хотя бы и не всѣ) активное участіе въ принесеніи жертвъ римскимъ богамъ. Таковое приношеніе жертвъ римскимъ богамъ, несомнѣнно, и проконсулу было извѣстно, какъ дѣяніе, воспрещаемое христіанской религіей. Въ этомъ именно смыслѣ и нужно понимать слова Максимиліана, что тѣ, которые служатъ въ войскахъ, а слѣд. и приносятъ жертвы богамъ, худо дѣлаютъ. А потому и самъ Максимиліанъ вступать на службу въ войска при такомъ условіи считаетъ для себя, христіанина, непозволительнымъ, худымъ дѣломъ.

с) Наконецъ, Максимиліанъ категорически, рѣшительно сопротивляется приказанію проконсула надѣть ему на шею свинцовое ожерелье—знакъ зачисленія въ рекрута; считаетъ непозволительнымъ носить на себѣ этотъ свинцовый знакъ потому, что онъ уже носитъ на себѣ спасительный знакъ Христа (крещеніе); а потому заявляетъ, что, если проконсулъ прикажетъ на него надѣть этотъ знакъ силой, то онъ, Максимиліанъ, разломаетъ, уничтожитъ этотъ знакъ, какъ не имѣющій никакого значенія. Что же въ надѣваніи этого рекрутскаго знака несовмѣстимаго съ христіанскимъ исповѣданіемъ для

Максимиліана? [1]) Несомнѣнно то, что надѣтый на шею знакъ зачисленія въ рекрута заставлялъ потомъ зачисленнаго принести солдатскую присягу (sacramentum). Максимиліанъ, какъ видимъ изъ актовъ, въ концѣ концовъ и на смерть осуждается именно за то, что отказался принести эту солдатскую присягу (sacramentum militiae). Присяга же эта, какъ извѣстно, требовала сражаться до смерти за императора и безусловно подчиняться всѣмъ порядкамъ въ войскахъ. Съ таковымъ то знакомъ Максимиліанъ и объявляетъ несовмѣстимымъ уже принятый имъ спасительный знакъ Христа, крещеніе христіанское [2]), называемое на западѣ тоже клятвой (sacramentum), присягой Христу, требующей безусловной покорности, вѣрности Христу. Съ таковой клятвой Христу, какъ доказывалъ Тертулліанъ, безусловно несовмѣстима для христіанина клятва императору. Теперь же, когда всѣхъ солдатъ въ войскахъ принуждаютъ къ принесенію жертвы богамъ, несовмѣстимость эта еще очевиднѣе, рѣзче.

Окончательный же выводъ изъ актовъ Максимиліана будетъ таковъ. Максимиліанъ отказался отъ поступленія въ военную службу главнымъ образомъ въ силу несовмѣстимости съ христіанскимъ исповѣданіемъ принужденія солдатъ къ активному участію въ принесеніи жертвъ богамъ [3]), Во всякомъ же

---

[1]) Прим. Знакъ зачисленія въ рекрута, изготовленный изъ свинца, можетъ быть, изображалъ собой какого либо языческаго бога. О такихъ богахъ говорится въ св. Писаніи (1 Кор. VIII, 4; Исаіи, XL, 24; XLIV, 9), что они ничего не значатъ; то же самое видимъ въ словахъ мученика Маркелла, какъ было выше сказано.

[2]) Прим. Въ св. Писаніи крещеніе называется знакомъ отпущенія грѣховъ (Дѣян. II, 38:, XXII, 16) внѣшнимъ знакомъ возрожденія (Іоан. III, 3, 5: Рим. VI, 3, 4; Еф. V, 26; Кол. II, 12 13; Тит. III, 5: 1 Кор. VI, II).

[3]) Прим. Къ такому же заключенію приводитъ и разсмотрѣнный выше фактъ мученичества Маркелла въ тоже гоненіе; къ такому же заключенію приводятъ, по аналогіи, многочисленные, указанные выше

случаѣ, самое большее изъ этихъ актовъ заключеніе то, что Максимиліанъ, принадлежащій по мѣсту рекрутскаго набора къ африканскому городу, является выразителемъ ригористическихъ воззрѣній африканскаго апологета, Тертулліана, на несовмѣстимость солдатской присяги, клятвы, съ клятвой Христу, данной христіаниномъ при крещеніи. И только. Притомъ фактъ этотъ единичный; имѣлъ мѣсто, когда всѣхъ служащихъ въ войскахъ принуждали къ принесенію жертвъ богамъ; слѣдовательно, ни къ какимъ обширнымъ и прочнымъ заключеніямъ о несовмѣстимости военной службы съ христіанскимъ исповѣданіемъ по существу, принципіально, онъ основаніемъ служить не можетъ [1]).

факты мученичества воиновъ въ гоненіе Діоклетіана, именно, только за христіанское исповѣданіе, какъ несовмѣстимое съ принужденіемъ въ войскахъ всѣхъ къ активному участію въ принесеніи жертвъ богамъ.

1) Прим. Кромѣ Маркелла и Максимиліана нужно упомянуть о св. Мартинѣ, пострадавшемъ будто бы за отказъ отъ военной службы, какъ несовмѣстимой съ христіанскимъ исповѣданіемъ. (Таубе, 46 стр.)—Св. Мартинъ, епископъ Турскій (въ Галліи). Онъ въ молодости служилъ въ войскахъ подъ начальствомъ Юліана Отступника, тогда еще не императора, а только кесаря запада (352—361) при императорѣ Констанціи (до 361 г.). Принявши крещеніе воиномъ, онъ сталъ ревностно стремиться оставить военную службу „которая была совершенно чужда его благочестивымъ наклонностямъ и не согласовалась съ его завѣтнымъ желаніемъ уединенной, подвижнической жизни“ (Ж. св., октябрь, 12 день, Изд. Син. Типогр., 283 стр.). Но остался еще на два года въ военной службѣ по просьбѣ Трибуна—христіанина. Въ это время и случилось, что въ одномъ походѣ въ виду предстоящей битвы, чтобы сильнѣе воодушевить воиновъ, Юліанъ самъ лично раздавалъ имъ подарки. Когда дѣло дошло до Мартина, то онъ сказалъ: „Кесарь, доселѣ я служилъ у тебя въ конницѣ. но теперь позволь вступить на служеніе Богу. Пусть же твоимъ подаркомъ воспользуется другой, кто будетъ продолжать твою службу, а я—воинъ Христовъ и посему не долженъ болѣе сражаться за тебя“. Въ отвѣтъ на упрекъ со стороны Юліана въ трусости Мартинъ выразилъ готовность встать въ самомъ опасномъ мѣстѣ битвы и безбоязненно наступать на непріятеля. Юліанъ такъ и распорядился сдѣлать. Но на другой день безъ всякой битвы былъ заключенъ съ аллеманами миръ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ обзора приведенныхъ сужденій и фактовъ слѣдуетъ сдѣлать такой выводъ.

Въ первые три вѣка представители христіанской церкви, хотя и пользовались въ широкихъ размѣрахъ аналогіями изъ военной жизни для нравственныхъ увѣщаній, но не проповѣдывали права и обязанности священной войны для христіанъ. При этомъ многіе писатели никакого сужденія о военной службѣ христіанъ въ римскихъ легіонахъ не дѣлаютъ и никакого осужденія этой службѣ не высказываютъ. Нѣкоторыми же писателями служба въ войскахъ римской имперіи для христіанъ счита-

---

Мартинъ послѣ этого былъ освобожденъ отъ военной присяги и немедленно оставилъ войско (Ж. св., Ibidem, 284—285 стр.).—Прежде всего это событіе относится ко второй половинѣ четвертаго вѣка, т. е. выходилъ за предѣлы времени, указаннаго нашей задачей (до Кон. В.). Затѣмъ, св. Мартинъ не принадлежитъ къ числу мучениковъ за отказъ отъ военной службы, какъ это слѣдуетъ изъ сужденій Таубе (46 стр.), а принадлежитъ къ числу лицъ только оставившихъ военную службу. Почему же онъ оставилъ эту службу? Можетъ быть въ силу несовмѣстимости ея съ христіанскимъ исповѣданіемъ по существу, принципіально? Или, можетъ быть, въ силу несовмѣстимости съ христіанскимъ исповѣданіемъ не по существу, а только по обстановкѣ службы? Для отвѣта имѣются опредѣленныя данныя въ житіи святаго Никакого принципіальнаго противорѣчія военной службы и войны съ христіанскимъ ученіемъ Мартинъ не указываетъ. Онъ послѣ крещенія своего два года служилъ въ войскахъ до разсматриваемаго отказа предъ лицомъ Юліана и готовъ былъ послѣ отказа встать „въ самомъ опасномъ мѣстѣ битвы“ и „безбоязненно наступать на ряды непріятеля“. Настолько ясны и характерны эти выраженія святаго, что въ отношеніи ихъ не можетъ быть двухъ мнѣній, двухъ толкованій. Опредѣленно и твердо здѣсь военная служба и война признается дозволительной для христіанина. Фраза „я воинъ Христа и посему не долженъ болѣе сражаться за тебя“ поясняется желаніемъ св. Мартина уйти для подвиговъ въ пустыню, куда онъ и ушелъ тотчасъ по выходѣ. Значитъ, всякіе выводы изъ жизни св. Мартина о несовмѣстимости военной службы съ христіанскимъ ученіемъ по существу правильными признать нельзя.

лась недозволительной. Главнымъ припятствіемъ этого выставлялся языческій характеръ лагерной жизни вмѣстѣ съ требованіемъ отъ солдатъ участвовать въ принесеніи жертвъ языческимъ богамъ, а отчасти и самый характеръ войнъ римской имперіи. На западѣ же нѣкоторыми писателями присяга знамени (sacramentum), требовавшаяся отъ солдата при зачисленіи въ войска, считалась измѣной клятвѣ Христу, даваемой христіаниномъ при крещеніи (тоже sacrameutum). Этотъ послѣдній взглядъ ригористовъ нашелъ себѣ выраженіе и подтвержденіе въ нѣкоторыхъ церковныхъ канонахъ, но въ канонахъ не авторитетныхъ, апокрифическихъ. Авторитетные же каноны, трактующіе о военной службѣ, никакого прямого запрещенія таковой службы для христіанъ не устанавливаютъ. Фактическое же положеніе дѣла было таково, что со второго вѣка несомнѣнно многіе христіане служили въ римскихъ легіонахъ, мирясь въ своей христіанской совѣсти съ организаціей и дисциплиной лагерной жизни; при этомъ церковь снисходительно относилась къ вызываемымъ требованіями военной дисциплины уклоненіямъ отъ правилъ и нормъ христіанской жизни. Нѣкоторые же христіане и притомъ не многіе сравнительно съ числомъ служившихъ въ войскахъ не мирились съ такой организаціей и выходили изъ военной службы. Очень многіе солдаты изъ христіанъ пострадали отъ римскаго правительства, но пострадали они не за отказъ отъ военной службы, какъ несовмѣстимой съ христіанскимъ ученіемъ по существу, а за отказъ принести жертву языческимъ богамъ, культу Цезаря. Мучениковъ изъ служившихъ въ войскахъ христіанъ было очень много въ гоненіе Діоклетіана, когда отъ всѣхъ солдатъ потребовали непосредственнаго участія въ жертвоприношеніи богамъ. Не многія отдѣльныя лица, пострадавшія будто бы за отказъ отъ военной службы въ силу несовмѣстимости ея съ христіанскимъ исповѣданіемъ, въ дѣйствительности пострадали за отказъ служить въ войскахъ, отъ которыхъ стали требовать активнаго участія въ языческомъ жертвоприношеніи. Къ послѣдней группѣ принадлежитъ не только мученикъ Маркеллъ, но вѣроятнѣе всего

и мученикъ Максимиліанъ. Послѣдній развѣ съ той только разницей, что онъ свой взглядъ о несовмѣстимости солдатской присяги съ клятвой Христу выражаетъ въ формѣ, указанной западнымъ писателемъ Тертулліаномъ, ригористомъ, доходящимъ до строгости монтанистовъ. И самый фактъ отказа въ такой формѣ изъ исторіи извѣстенъ только единичный.

Итакъ, согласно съ характеромъ христіанской религіи, отдѣльными мѣстами (выраженіями) св. новозавѣтнаго писанія и нѣкоторыми фактами изъ времени Спасителя и апостоловъ, въ первые три вѣка (до Константина В.) война и военная служба не проповѣдывалась церковію, какъ священная обязанность христіанъ, но и не признавалась безусловно недозволительной для христіанина. Съ четвертаго вѣка, когда церковь вступила въ союзъ съ государствомъ, когда войска стали составляться преимущественно изъ христіанъ, руководителямъ церковной жизни не оказалось нужды, не потребовалось пересматривать и отмѣнять постановленія или осуждать существующіе порядки относительно военной службы христіанъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Ко второму изданію III

Предисловіе. Вопросъ о дозволительности для христіанъ военной службы. Задача автора. 1

I Глава. Христіанская религія прямо и безусловно не запрещаетъ своимъ послѣдователямъ войны и военной службы. 3

II Глава. Принципіальное отношеніе христіанъ первыхъ вѣковъ къ военной службѣ:

1) Многочисленные образы и аналогіи, заимствованные церковными писателями изъ военной службы 17

2) Сужденія отдѣльныхъ лицъ, представителей христіанской религіи, о войнѣ и военной службѣ 26

3) Церковныя правила относительно христіанъ, поступающихъ и состоящихъ на военной службѣ. 44

III Глава. Фактическое отношеніе христіанъ первыхъ вѣковъ къ военной службѣ:

1) Гдѣ и въ какомъ количествѣ, по свидѣтельству исторіи, были христіане въ войскахъ римской имперіи? 51

2) Почему нѣкоторые христіане оставляли военную службу? 68

3) За что и почему умерли мучениками многіе воины христіане? 70

4) Справедливо ли, что немногія отдѣльныя лица изъ христіанъ пострадали исключительно за отказъ отъ военной службы? . . . 75

Заключеніе 89

Замѣченныя опечатки.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*должно читать:*
2	7 снизу	жертворали	жертвовали
2	9 снизу	послѣдоветолей	послѣдователей
14	6 сверху	положаніемъ	положеніемъ
66	12 снизу	мировой	мировой

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ

кварный отдел
4/826

34-4
Б-35

Цѣна 60 коп.

Выписывающіе отъ автора (Рязань, Духовная Семинарія, преподавателю Александру Ф. Карашеву) за пересылку не платятъ.